

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

**СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1918-1924 ГОДОВ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В
РОМАНЕ А. Б. МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ»**

Выпускная квалификационная работа

по направлению подготовки 46.04.01 «История»

образовательная программа магистратуры ВМ.5674.2015

«Россия в войнах и социальных конфликтах XX-XXI веков»

Выполнила:

студентка 2 курса

дневного отделения

Скибина Юлия Андреевна

Научный руководитель

д.и.н., профессор

Ходяков Михаил Викторович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Актуальность исследования. «К сожалению, мало кто у нас знает лучшие произведения, посвященные той эпохе... Но надо надеяться, что они когда-нибудь будут у нас переизданы и читатель получит верное представление о временах первых лет революции»¹ - писал о художественных произведениях С. М. Голицын, современник событий, о которых пойдет речь в данной работе.

Художественная литература во все времена была своеобразным мостом, соединяющим прошлое с настоящим, средством обращения читателя к канувшим в лету событиям и инструментом для конструирования собственных представлений об эпохе. До появления особого направления в исторической науке, художественные и мемуарные тексты были единственными доступными широким слоям населения источниками воссоздания особенностей повседневного быта представителей ушедших эпох. Не меньшим влиянием на представления населения о прошлом обладают художественные произведения в настоящее время. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2014 г., к научной литературе обращается лишь 6% читающей публики, в то время как большинство предпочитает художественные тексты², что делает актуальным вопрос об истинности отражения действительности в художественной литературе.

Выбор произведения А. Б. Мариенгофа в качестве объекта анализа обоснован рядом причин:

Во-первых, отношение к взаимодействию вымысла и факта самого автора «Циников». Вопросы истинного и ложного в продуктах писательского творчества не раз становились предметом рефлексии А. Б. Мариенгофа, что нашло отражение в автобиографических текстах. Так, в третьей части своей «Бессмертной трилогии» писатель приводит цитату Л. Н. Толстого –

¹ Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 6.

² Пресс-выпуск №2596. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114843> (дата обращения: 10 апр. 2017 г.).

«Совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то»³ - после чего Анатолий Борисович добавляет: «Это и меня преследует. Но я посамоуверенней Льва Николаевича. Я говорю: “К черту все высосанное из пальца! К чему валять дурака и морочить людей старомодными романами и повестушками»⁴. Показателем особого отношения автора «Циников» к соотношению вымысла и факта является попытка организовать Общество поэтов и литераторов «Литература и быт» в 1928 г. Идея обосновывалась необходимостью тщательного изучения нового быта советскими литераторами, так как «повесть, рассказ, роман, поэма требует обязательной увязки с реальным материалом»⁵.

Во-вторых, отношение к роману в СССР непосредственно после его публикации – изданные в Берлине «Циники» были восприняты как произведение, искажающее советскую действительность. А. Б. Мариенгофу пришлось понести покаяние перед Московским отделом ВССП за публикацию своей «вредной» книги за границей, а сам роман был надолго забыт и советским режимом, и самим автором. О своем детище А. Б. Мариенгоф упоминал лишь в официальных документах, а советский читатель получил возможность познакомиться с романом только в 1988 г.⁶.

В-третьих, растущая популярность произведений А. Б. Мариенгофа у современного читателя. За последние годы произведения писателя, в том числе «Циники», неоднократно переиздавались, что свидетельствует о наличии спроса у читающей публики, а, следовательно, об увеличении влияния творчества А. Б. Мариенгофа на создание представления об эпохе у современных читателей, что еще раз подтверждает актуальность нашего исследования.

³ Мариенгоф А. Б. Это вам, потомки! // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2.: Кн. 2: Мемуары; Комментарии. М., 2013. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М., 2007. С. 117.

⁶ Там же. С. 103-108.

Анализ состояния научной разработки проблемы показал, что выбранный нами роман становился предметом исследования ранее, однако внимание исследователей концентрировалось на отдельных вопросах. Так, историк М. А. Базанов рассматривал главного героя романа в качестве представителя профессиональной группы⁷; Е. Н. Юденкова в своей статье, посвященной способам изображения НЭПа, провела литературоведческий анализ соотношения изображаемого в «Циниках» с восприятием описанных в романе событий А. Б. Мариенгофом, однако вопросы, связанные с исторической достоверностью, рассмотрены не были.⁸ Т. А. Тернова, рассматривая роман как иллюстрацию новой социальной стратификации российского общества, использовала образы героев как пример маргинализации представителей новой буржуазии и интеллигенции.⁹ Описывая место героев как представителей своего социального слоя в новом обществе, Т. А. Тернова опирается на новейшие публикации, не привлекая исторических источников.

Таким образом, данная выпускная квалификационная работа является первой попыткой всестороннего анализа отражения советской действительности в романе А. Б. Мариенгофа «Циники».

Объектом изучения выступает повседневная жизнь населения Советской России в период военного коммунизма и первые годы НЭПа.

Предметом исследования является роман А. Б. Мариенгофа «Циники» как отражение повседневности советского общества 1918-1924 гг.

Хронологические рамки работы – 1918 – 1924 гг. – определяются временным промежутком, в котором происходит действие исследуемого романа.

⁷ Базанов М. А. Взгляд историка: Главный герой романа А.Б. Мариенгофа «Циники» как представитель профессионального сообщества своего времени // Челябинский гуманитарий. 2014. №4. С. 77-85.

⁸ Юденкова Е. В. НЭП в романах А. Б. Мариенгофа «Циники» и И. Эренбурга «Рвач» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 46. С. 93-100.

⁹ Тернова Т.А. Социология НЭПа в романе А.Б. Мариенгофа «Циники» // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. уч. междунар. науч. конф. (Саратов, 23 – 25 сент. 2010 г.). Саратов, 2010. С. 140-147.

Исходя из того, что местом развития описываемых А. Б. Мариенгофом событий была выбрана Москва, в качестве **территориальных рамок** исследования выступает пространство советского города, при этом особое внимание уделено повседневным практикам населения столицы.

Цель данной работы – на основе исторических источников и литературы рассмотреть особенности повседневного существования населения Советской республики и определить историческую достоверность описываемых в романе событий и практик повседневной жизни.

Для достижения этой цели были выдвинуты следующие **задачи**:

- выявить круг проблем и явлений повседневности, представленных на страницах исследуемого романа;
- исходя из выявленной проблематики, проанализировать состояние различных сфер жизни советского общества 1918-1924 гг.;
- сопоставить полученные в процессе анализа данные с фактами, приведенными в романе;
- установить связь описанных в романе сюжетов с исторической действительностью.

Историографическая база исследования. Вопросы повседневной жизни получили самостоятельное развитие лишь в работах российских авторов постсоветского периода. В предшествующий период развития исторической науки проблемы, связанные с повседневностью советских граждан, анализировались эпизодически, в связке с глобальными событиями эпохи, либо не рассматривались вовсе. Таким образом, имеющуюся литературу, прямо или косвенно касающуюся изучаемой темы, можно условно разделить на два периода – советский и постсоветский.

Работы, рассматривающие отдельные аспекты социально-экономической политики, связанные с повседневной жизнью советских граждан, появились уже в первое послеоктябрьское десятилетие. Так, в трудах С. Г. Струмилина и Е. О. Кабо были рассмотрены вопросы, связанные с материальной основой существования – уровнем дохода, питанием и

обеспечением предметами первой необходимости.¹⁰ Проблемы организации нового быта и связанные с ними изменения, в том числе и в морально-нравственной сфере, были рассмотрены в совместной работе Г. Григорова и С. Шкотова¹¹. Жилищная политика большевиков получила подробное освещение в работе Н. Ф. Преображенского, в которой были рассмотрены как плюсы, так и минусы преобразований нового правительства¹².

Некоторые аспекты функционирования советского хозяйства были рассмотрены в трудах, вышедших в эмиграции. Так, вопросы существования торговли и практик самоснабжения граждан в условиях запрета на данные виды деятельности были затронуты в работах С. Н. Прокоповича и С. Шермана¹³.

1930-е – 1950-е гг. стали периодом затишья в изучении сюжетов, связанные с повседневной жизнью советских граждан в первые послеоктябрьские годы. В 1960-х – 1980-х гг. происходит частичное возвращение к повседневным проблемам первого послереволюционного десятилетия. Изменениям, произошедшим в брачно-семейной, сфере посвящены труды А. Г. Харчева¹⁴. Богатый материал по вопросам проведения вне рабочего времени сконцентрирован в работах Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Л. А. О니кова¹⁵. В первом томе коллективного труда «История

¹⁰ Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего. М.; Петроград, 1923; Он же. Рабочий быт в цифрах. Статистико-экономические этюды. М.; Л., 1926.; Кабо Е. О. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926.

¹¹ Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М.; Л., 1927.

¹² Преображенский Н. Ф. Жилищный вопрос при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1928.

¹³ Прокопович С. Н. Очерки хозяйства советской России. Берлин: Обелиск, 1923. ; Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт (Из сборника «Экономический вестник». Берлин, 1923) // Нэп. Взгляд со стороны: сб. / Сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991. С.133-173

¹⁴ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М., 1964.

¹⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.; Гордон Л. А. Человек после работы : Социальные проблемы быта и вне рабочего времени : По материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах европ. части СССР. М., 1972.

социалистической экономики СССР» были рассмотрены особенности организации снабжения населения в первые годы советской власти¹⁶.

Говоря о советском периоде изучения вопросов, связанных с повседневностью, стоит отметить ряд характерных особенностей, свойственных работам, вышедшим на территории советского государства. Одной из таких особенностей является явная идеологическая окраска, направленность на утверждение в сознании населения представления о развитии нового государства как об успешном поступательном процессе, перемалывающем пережитки буржуазного прошлого. Также отличительной чертой советской историографии был ее классовый характер – внимание исследователей было обращено к сюжетам, связанным с бытом рабочих, в то время как положение представителей нетитульных классов, коими являются герои исследуемого романа, оставалось вне поля зрения.

Новый этап в развитии изучения истории повседневности начался с конца 1980-х гг. Эпоха «перестройки» способствовала переосмыслению истории советского общества, обратив внимание на сюжеты, связанные с повседневной жизнью «маленького» человека, однако предметом специального исследования повседневная жизнь советских граждан в первые послереволюционные годы стала лишь в конце 1990-х годов.

Среди исследований общего характера особое место занимают труды Н. Б. Лебиной¹⁷, концептуальной основой которым послужила дихотомия норм и аномалий. В ее работах рассматриваются как традиционные аномалии, так и процесс трансформации норм в отклонения в контексте времени. Говоря о нормировании повседневности, Н. Б. Лебина отмечает существование не только прямых норм, выражающихся в распределении жилья и продовольствия, но и косвенных, проявляющихся в виде стандартизации досуга и частной жизни. В связи с обращением к досуговому

¹⁶ История социалистической экономики СССР : В 7 т. / Отв. ред. И. А. Гладков. Т. 1. : Советская экономика в 1917-1920 гг. М., 1976.

¹⁷ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб., 1999. ; Она же. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

практикам, рассмотрены вопросы продолжительности рабочего дня, организация вне рабочего времени и наиболее популярные формы развлечений. Однако основной акцент в исследованиях был сделан на повседневные практики пролетарского большинства населения, обходя вниманием вопросы существования представителей городской интеллигенции.

«Классовый подход» к повседневности применил А. А. Семенов. Рассматривая особенности повседневной жизни населения в годы Гражданской войны, автор отдельно рассматривает повседневные практики представителей различных классов – крестьянства, пролетариата и интеллигенции – отмечая характерные особенности и отличия в организации быта¹⁸. Перу Т. М. Смирновой и С. А. Чуйкиной принадлежат труды, посвященные вопросам интеграции и адаптации «бывших» людей в новой советской действительности¹⁹. К вопросам существования нэпманской буржуазии обращаются И. Б. Орлов, С. А. Пахомов, ряд проблем, в частности различные аспекты деятельности новых буржуа и их взаимоотношения с властью, получили освещение в коллективной монографии под редакцией Р. А. Хазиева²⁰. Несмотря на растущий интерес к повседневности «социальных меньшинств», повседневная жизнь интеллигенции первого послереволюционного десятилетия ни разу не становилось предметом специальных исследований.

Особой популярностью среди исследователей пользуются вопросы прямого нормирования повседневности. В 2008 г. вышла в свет монография М. Г. Мееровича, посвященная жилищной политике советской власти. Опираясь на широкий круг литературы и источников, М. Г. Меерович

¹⁸ Семенов А. А. *Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.)*. Армавир, 2005.

¹⁹ Смирнова Т. М. *«Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы*. М., 2003.; Она же. *«Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917-1936 гг.): дисс. ... д.и.н.* М., 2010.; Чуйкина С. А. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы)*. СПб., 2006.

²⁰ Орлов И. Б., Пахомов С. А. *«Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни*. М., 2007.; *«Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: монография / Под ред. Р. А. Хазиева*. Уфа, 2005.

проводит детальный анализ преобразований в жилищной сфере в 1917-1937 гг., рассматривая жилище в качестве инструмента управления населением в руках советской власти²¹.

Проблемам материального положения горожан в годы Гражданской войны посвящена монография А. А. Ильюхова, в которой рассматривается весь спектр вопросов, касающихся материальных основ жизни городского населения – организация питания и методы распределения продовольствия, жилищные условия, уровень заработной платы и её место в системе обеспечения. Наряду с описанием закреплённых законодательно норм и практик, автор даёт характеристику нетрадиционным стратегиям выживания – кустарничеству, хищению, мешочничеству²².

Вопросам организации системы нелегального снабжения населения в первые годы советской власти посвящена работа Ю. А. Давыдова, в которой автор даёт подробный анализ феномена мешочничества, его места и роли в экономической и социальной жизни общества.²³

Значительное внимание исследователей было уделено проблемам досуга советских граждан, в частности, их теневым сторонам. Вопросы, связанные с различными проявлениями девиации, получили освещение в трудах И. Б. Орлова, И. Р. Такала, И. В. Курукина, Е. А. Никулиной, А. С. Меликсетяна, С. Е. Панина.²⁴

²¹ Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917-1937. М., 2008.

²² Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007.

²³ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917 – 1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002.

²⁴ Орлов И. Б. Новая политика — новое веселие // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007.; Такала И. Р. «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930-е годы) // Нормы и ценности повседневной жизни 1920-1930-е гг. : становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 244-298.; Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007.; Меликсетян А. С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования, 1989. № 3. С. 74-86.; 39. Панин С. Е. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78-109.

Среди работ, вышедших в последние годы, особое значение для нашего исследования имели труды Е. Д. Твердюковой²⁵, в которых получили освещение такие слабо изученные проблемы, как обеспечение населения табачной продукцией и роль ломбардов в деле выживания советских граждан в первые послеоктябрьские годы.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников:

1. *Сборники документов*, среди которых особое место занимают собрания узаконений и распоряжений советского правительства²⁶, позволяющие выявить основные направления государственной политики по вопросам регулирования повседневной жизни населения. Также большое значение для данного исследования имеет вышедший в 1998 г. сборник «Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям»²⁷, в материалах которого отражена реакция населения на изменения, произошедшие в государстве.

2. *Труды государственных и партийных деятелей*, среди которых особый интерес представляют сочинения В. И. Ленина²⁸, отражающие восприятие повседневных проблем населения лидером государства, ставшее основанием ряда социально-экономических преобразований.

3. *Статистические сборники*, позволяющие рассмотреть результат социально-экономической политики большевистской власти в

²⁵ Твердюкова Е. Д. «Мерси» за махорку: табак и табакокурение как элемент российской повседневности в период социальных катаклизмов // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (к 100-летию с начала Первой мировой войны): мат. междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. СПб., 2014. С. 539-544. ; Она же. «Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда-Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие. 1918–1928 гг. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 33-46.

²⁶ Декреты Советской власти. Т.1. : 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. / Подг. к печати д-р ист. наук проф. С. Н. Валк. М., 1957. ; Законы о торговле: сб. декретов и др. постановлений о внутр. и внеш. торговле. Т.1. М., 1922. ; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М., 1942.; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. ; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944.

²⁷ Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М., 1968.; Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М., 1969. ; Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М., 1969.; Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М., 1970. ; Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 51. М., 1970. ; Он же. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. М., 1975.

рассматриваемый период и проследить качественные изменения в жизни советских граждан. Среди источников данной группы особое значение для данной выпускной квалификационной работы имеет вышедший в 1924 г. юбилейный сборник ЦСУ²⁹, в котором показана динамика изменений в вопросах торговли, питания и снабжения населения в рассматриваемый период. Также большой интерес представляет сборник «Состояние питания городского населения СССР. 1919-1924 гг.», включающий в себя совокупность данных, полученных в ходе периодических исследований, производимых Отделом статистики потребления ЦСУ³⁰, содержащий, помимо количественных данных городского потребления, обширные комментарии специалистов.

4. *Материалы периодической печати*, представленные 11 наименованиями периодических изданий³¹, выходивших в рассматриваемый период. Газетные и журнальные публикации являются наиболее оперативным источником информации, отражающие те или иные события по «горячим следам», что позволяет увидеть эпоху изнутри, почувствовать дух времени. В этом смысле наибольший интерес представляют сатирические издания³², являющиеся отражением наиболее резонансных проблем и явлений и свидетельствующие об их восприятии обществом.

5. Наиболее многочисленную группу источников, используемых при подготовке данного исследования, составляют *источники личного происхождения* – дневники и мемуары представителей нетитульных классов советского общества. При общей обращенности внимания к проблемам повседневности пролетариата, характерной для большинства источников и научных исследований, дневники и мемуары представителей интеллигенции

²⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. За пять лет работы ЦСУ. М., 1924.

³⁰ Состояние питания городского населения СССР. 1919-1924 гг. М., 1926.

³¹ Беднота. 1923. ; Безбожник. 1922. ; Бюллетень ЦСУ. 1920. № 19—20. ; Известия ВЦИК. 1918, 1922, 1923. ; Красная Газета. 1922. ; Красный смех. 1922. № 1, № 2. ; Крокодил. 1922. № 7, № 10. ; Огонек. 1923. № 15. ; 1924. № 12, № 15. ; Мухомор. 1922. № 1. ; Правда. 1918-1922. ; Строительство Москвы. 1924. № 4.

³² Красный смех. 1922. № 1, № 2. ; Крокодил. 1922. № 7, № 10. ; Мухомор. 1922. № 1.

являются практически единственным источником, позволяющим охарактеризовать повседневную жизнь этого социального слоя.

Среди источников данной группы особый интерес представляют свидетельства самого автора и его ближайшего окружения³³, позволяющие охарактеризовать повседневные практики представителей среды, которая породила образы героев исследуемого романа.

6. *Архивные материалы*, представляющие собой неопубликованные документы, связанные с жизнью и творчеством А. Б. Мариенгофа, обнаруженные в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 2853) и Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (Ф. 648).

В личном фонде журналиста и издателя Я. Н. Блоха, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства³⁴, сохранилась автобиография автора «Циников», содержащая важные факты из жизни и творчества писателя, в частности, указания А. Б. Мариенгофа на источники материала для его произведений.

В семейном фонде А. Б. Мариенгофа и А. Б. Никритиной, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга³⁵, были обнаружены документы, в которых представлены неосвещенные в мемуарах факты из повседневной жизни автора исследуемого романа, его семьи и ближайшего окружения.

Структура исследования. Данное исследование включает в себя две главы, в которых рассматриваются различные стороны повседневности. В первой главе повседневные практики рассмотрены в контексте изменений,

³³ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. Кн. 1. : Проза; Мемуары; Комментарии. М., 2013. С. 501-632. ; Он же. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2.: Кн. 2: Мемуары; Комментарии. М., 2013. С. 127-430. ; Он же. Это вам, потомки! // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2.: Кн. 2: Мемуары; Комментарии. М., 2013. С. 17-126. ; Ивнев Р. Дневник. 1906-1980. М., 2012. ; Он же. Жар прожитых лет : воспоминания, дневники, письма. СПб., 2007.; Шершневич В. Г. Великолепный очевидец . Поэтические воспоминания 1910-1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги : Воспоминания Мариенгофа, Шершневича, Грузинова. М., 1990. С.523 – 597.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2853.

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 648

произошедших внутри общества в изучаемый период, вторая глава посвящена бытовой стороне советской повседневности. Будучи ограниченным содержанием романа, данное исследование рассматривает лишь те вопросы повседневной жизни советского общества, которые в той или иной степени были освещены А. Б. Мариенгофом на страницах «Циников».

Глава 1. «Новое» общество: жизнь советского человека в условиях социальных трансформаций 1918-1924 гг.

1. 1. Особенности существования представителей «старых» классов в «новом» обществе.

После Октябрьской революции все чины и сословия упразднились, а земля и средства производства национализировались³⁶, следовательно, теперь не было дворянства и духовенства, купцов и мещан, были только советские граждане. Однако, отменив сословия, новая большевистская власть изобрела иной ярлык – социальное происхождение, от которого напрямую зависело положение человека в «новом» обществе.

А. Б. Мариенгоф не дает каких-то определенных данных о социальном происхождении своих героев, информацию о них приходится собирать по крупицам на страницах романа – из четырех основных персонажей озвученную автором биографию имеет лишь один – представитель новой, «нэпманской» буржуазии Докучаев. Прошлое остальных героев туманно. Так, данные о семье Владимира и Сергея ограничиваются упоминанием их бабушки Пульхерии, главными и единственными характеристиками которой выступают брезгливость и чистоплотность, а также её принадлежность к старообрядческой семье.³⁷ Данные о семье Ольги еще более скудны – автор ограничивается упоминанием о том, что её «предки соизволили бежать за границу», оставив её «сторожить» квартиру³⁸. Нехватка биографических сведений, позволяющих отнести героев к тому или иному дореволюционному сословию, компенсируется избытком деталей, изображающих привычки и предметы быта. Так, среди предметов повседневного пользования героев немало вещей, родом из прошлого – «табакерка времен Елизаветы Петровны», «свитки 15», «рукописи 16» и «фолианты 17» веков в личной

³⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг.... С. 4-6, 26.

³⁷ Мариенгоф А. Б. Циники. Бритый человек: романы. СПб., 2014. С. 51.

³⁸ Там же. С. 10.

библиотеке³⁹ – представляющих материальную ценность. По мнению американского историка Ш. Фицпатрик, сущность стратификационной политики советской власти в первое послереволюционное десятилетие лучше всего отражает понятие «приписывание к классу»⁴⁰. Упомянутые автором предметы личного пользования позволяют говорить о том, что главные герои романа до революции не бедствовали, а, следовательно, как представители дореволюционных имущих слоев «приписывались» к классу, который в прессе именовался «буржуазным» или «эксплуаторским».

Со временем понятие эксплуататор практически выходит из употребления, на смену ему приходит новое определение – «бывшие люди» или просто «бывшие». Границы социального пространства «бывших людей» очень размыты и определялись не столько теорией, сколько практикой, и, если в теории к «бывшим эксплуататорам» причислялись классы, до революции жившие за счет присвоения чужого труда, то на практике «эксплуаторами» считались все, кто не подходил под определение «эксплуатируемый»: духовенство, предприниматели и чиновники всех уровней, интеллигенция и даже привилегированные слои прислуги⁴¹.

В первые послереволюционные годы политика новой власти носила дискриминационный характер по отношению к свергнутым классам. Так, согласно декрету «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г., принадлежность к эксплуататорским классам служила отягчающим обстоятельством при вынесении приговора - представители свергнутых классов приговаривались к наиболее тяжелым работам, а их имущество подлежало конфискации⁴². 5 октября 1918 г. был принят декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся», согласно которому нетрудовые элементы (в числе которых оказались лица, использующие наемный труд, торговцы и представители свободных

³⁹ Там же. С. 37, 79-80.

⁴⁰ Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. N 4. P. 750.

⁴¹ Правда. 1919. 3 авг.; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре... С. 37.

⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг... С. 487-488.

профессий), не имеющие трудовых книжек или соответствующих отметок в них, лишались продовольственных карточек и права передвижения по территории Советской республики⁴³. Однако, по свидетельству самих «бывших», «в первое время большевики действовали нерешительно, а своими многочисленными декретами только стращали»⁴⁴.

Изначально концепция «диктатуры пролетариата» предполагала, что выходцам из «бывших» нет места в аппарате управления, исключения составляли лица, примкнувшие к революционному движению до свершения Октябрьской революции – так называемые «пролетарии по призванию»⁴⁵. Однако жестокие реалии Гражданской войны потребовали привлечения к управлению квалифицированных специалистов далеко не рабоче-крестьянского происхождения - в 1918 – начале 1920-х гг. среднее звено советских служащих составляли преимущественно «бывшие». Наиболее значительным процент «бывших» был среди служащих Москвы и Петрограда, в том числе и среди представителей высшей партийной номенклатуры⁴⁶. По данным Е. Г. Гимпельсона, 69% членов ЦИК, СНК и их комиссий составляли лица не рабоче-крестьянского происхождения⁴⁷. Высшее руководство отраслями в основном составляли служащие и представители интеллигенции – в разных областях их доля составляла от 61,8 до 92,1 %⁴⁸. Тенденция проникновения «бывших» в ряды советских служащих нашла отражение в романе в образе Сергея, который появляется на страницах романа в кресле руководителя водным транспортом.

⁴³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг... С. 1003-1006.

⁴⁴ Голицын С. М. Записки уцелевшего... С. 5.

⁴⁵ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. С. 66.; Ирошников М. П. Рожденное октябрём: Очерки истории становления Советского государства. Л.: Наука, 1987. С. 70-71.; Правда. 1918. 6 янв.; Правда. 1918. 17 янв.

⁴⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 1. М., 2001. С. 66.

⁴⁷ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. С. 83.

⁴⁸ Там же.

Интеграция центральных персонажей романа – Ольги и Владимира – в «новое» социальное пространство прошло безболезненно. У них не возникло проблем ни при общении с представителями иных, «титulyных» классов, ни при трудоустройстве, во многом благодаря содействию Сергея. Именно его усилиями Владимир вновь обретает потерянное после революции место приват-доцента в одном из московских университетов, а Ольга получает должность, связанную с формированием агитпоездов. Роль личных знакомств в обретении своего места в «новом обществе» отмечалась многими современниками. О. Л. Керенская упоминает о том, что местом заведующей отдела в Петроградском отделении Центросоюза обязана давнему знакомому, имя которого не называет⁴⁹, а И. С. Кондурушкин отмечал случай инженера Орлова. Будучи сосланным в 1919 г. по делу Национального центра в Вологду, по прибытию на место Орлов, благодаря своим связям, был направлен на партийную работу и впоследствии неоднократно назначался на ответственные должности, в том числе на пост инспектора Рабоче-Крестьянской инспекции⁵⁰.

Хлопоты пригoдившихся при новой власти доброжелателей были не единственным фактором обретения рабочего места для «бывших эксплуататоров» и лиц, к ним причисляемых. Низкая грамотность населения и нехватка профессионалов на рынке труда поднимали престиж представителей бывшей буржуазии, уровень образования которых был значительно выше, чем у наводнивших город крестьян и городских рабочих. Преобладающее большинство выходцев из «бывших», переживших революцию во взрослом возрасте, имело какую-либо профессию, и нехватка профессионалов на рынке труда молодого советского государства давала им возможность устроиться на работу по специальности без особых проблем. Отсутствие определенной специальности компенсировалось знаниями и навыками, которые легко конвертировались в профессию, а низкая

⁴⁹ Керенская О. Л. Мертвые молчат. Победителей не судят // Звезда. 1998. № 2. С. 110.

⁵⁰ Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926 гг. М.; Л., 1927. С. 204.

грамотность населения – по разным данным, грамотой владели лишь 44,1 % российских граждан⁵¹ - делала имеющих достаточно высокий уровень образования «бывших» ценными кадрами. В свете этого отрицательный ответ Ольги на вопрос «Умеете ли вы что-нибудь делать?» представляется несколько утрированным, и прямое указание на отсутствие каких-либо навыков указывает скорее на важность субъективных факторов и личных знакомств при назначении на «ответственные должности» лиц, не имеющих соответствующего опыта. Похожий случай нашел отражение в дневниковых записях З. Гиппиус. Писательница с присущей ей едкостью пишет о жене М. Горького, бывшей актрисе, ставшей «комиссаршей всех российских театров», которая прежде занималась «чем угодно, только не политикой»⁵².

Необходимость полезных знакомств теряла свою остроту при получении более мелких должностей: для того, чтобы попасть в число рядовых советских служащих достаточно было личных профессиональных навыков и способности к быстрой адаптации к новым условиям. В результате в 1918-1920 «бывшие» составляли минимальный процент безработных. Наиболее востребованными специалистами на советском рынке труда были врачи, преподаватели, инженеры и мелкие чиновники⁵³.

Категории населения, оказавшиеся в наиболее шатком положении – лица, занимавшие при царе государственные и военные должности – в романе упоминаются эпизодически. Они наиболее часто подвергались репрессиям, не могли продолжить службу на аналогичном poste, всю жизнь посвятили одной профессии и не имели возможность «переквалифицироваться» под запросы новой действительности⁵⁴.

Обретение места на службе советскому государству помогала избавиться от буржуазного клейма, но не решало экономических проблем.

⁵¹ Пешехонов А. В. Современная Россия в цифрах. Прага, 1925. С. 8.

⁵² Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М., 1991. С. 63.

⁵³ Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 109.

⁵⁴ Чуйкина С. А. Дворянская память... С. 58 -59.

Получаемое жалование не могло обеспечить сносного существования⁵⁵, и более доходным делом для многих выходцев из имущих слоев стала продажа собственного имущества, в шутку называемая «ликвидсобхоз»⁵⁶. В романе неоднократно всплывают свидетельствующие об этом образы - «старушка в чиновничьей фуражке предлагает колечко с изумрудом», «старый генерал с запотевшим моноклем в глазу и в продранных варежках продает бутылку мадеры 1823 года»⁵⁷. О присутствии «бывших» в рядах торговцев на городских «толкучках» свидетельствуют воспоминания современников: большое количество среди торгового люда «бывших», «не успевших или не захотевших уехать за границу»⁵⁸, отмечают Б. С. Маркус и Н. Берберова⁵⁹. Помимо непосредственного участия в торговом процессе, практиковалась сдача имущества на продажу «собственным спекулянтам», которые брали за свои услуги определенную плату⁶⁰. Лица, не желающие продавать свои вещи, могли воспользоваться услугами ломбардов, предлагающих временный заклад ценностей. Именно этот вид обращения личных вещей в денежные знаки предпочитает героиня исследуемого романа. В рассматриваемый период ломбард был не самым надежным местом хранения ценностей, причины тому – регулярные изъятия в пользу государства⁶¹. Эта особенность работы ломбардов косвенно отражена в романе – неоднократно обращаясь к услугам этих кредитных учреждений для заклада драгоценностей, Ольга ни разу не возвращалась за заложенным.

⁵⁵ Булгаков М. А. Дневник. Письма. 1914-1940. М., 1997. С. 47.; Керенская О. Л. Мертвые молчат... С. 114.; Князев В. Покатилось красное колесо... Из записной книжки русского интеллигента. URL: <http://izidis.narod.ru/kols.htm> (дата обращения: 13 февр. 2017 г.).

⁵⁶ Семенов А. А. Повседневная жизнь населения ... С. 40.

⁵⁷ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 70-71.

⁵⁸ Маркус Б. С. Московские картинки: 1920-1930 гг.: (воспоминания). URL: http://royallib.com/read/markus_boris/moskovskie_kartinki_1920_h___1930_h_gg.html#0 (дата обращения: 11 марта 2017 г.)

⁵⁹ Там же. ; Берберова Н. Курсив мой : Автобиография. М., 2014. С. 128-129.

⁶⁰ Гиппиус З. Н. Петербургский дневник... С. 48, 51.; Керенская О. Л. Мертвые молчат... С. 114, 116.

⁶¹ Твердюкова Е. Д. «Банки для бедных»... С. 36.

С введением НЭПа появляется новая категория населения - так называемая «новая буржуазия» или «нэпманы». В романе первое упоминание о новом социальном элементе относится к 1922 г. «Нэпман» - единственный герой романа с историей. До 1914 г. он состоял в "мальчишках на побегушках" в большом оптовом мануфактурном деле, в годы войны «носил горшки» в псковском госпитале, в период военного коммунизма «путешествовал» с «всякообразным» багажом, чаще всего «на крышах вагонов, на паровозном угле и на буферах»⁶².

Предпринимательский путь Докучаева отражает процесс становления торговли в молодом советском государстве. Посредством описания «вояжей» Докучаева А.Б. Мариенгоф говорит о мешочничестве, ставшем зародышевой формой торговли в период военного коммунизма. До 1922 г. лица, имеющие товар, не спешили выходить на рынок, оживление торговли наблюдалось лишь на базарах и железнодорожных станциях⁶³. Появление на рынке крупного капитала относится к первой четверти 1922 г., что совпадает с годом появления Докучаева в романе⁶⁴. К этому моменту он арендатор текстильной фабрики, «хорошенького домика», поставщик на Красную Армию, биржевик, имеет несколько магазинов и «одну-другую палатку у Сухаревой башни, на Смоленском рынке, на Трубе и Болоте»⁶⁵. Стоит отметить, что среди незначительной по своей общей численности прослойки «нэпманов» - в 1923 г. удельный вес среди городского населения составлял 4,1% - «докучаевы» составляют лишь небольшую часть. По данным, указанным в воспоминаниях С. У. Гехта, так называемых «акул нэпа» - людей, имеющих капитал более одного миллиона— 15 человек, а дельцов, чье

⁶² Мариенгоф А.Б. Циники... С. 91.

⁶³ Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты»... С. 115-116.

⁶⁴ Там же. С. 116.

⁶⁵ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 91.

состояние составляло менее миллиона, но более 500 тысяч – 96 человек⁶⁶. Однако приведенные мемуаристом данные не нашли подтверждения в других источниках, что не позволяет нам рассматривать их как полноценный исторический факт. Сложность в оценке доходов нэпманов во многом вызвана сокрытием доходов новыми буржуа. Нежелание декларировать собственную прибыль нашло отражение в сатире. Так, в журнале «Крокодил» была размещена заметка, в которой месячный оборот нэпмана меняется в зависимости от того, кто является источником вопроса: пришли по налоговым вопросам - «8 лимончиков», нужна ссуда госбанка – «8 миллиардов», обратились из Помгола – «сами без гроша сидим»⁶⁷. По мнению современника рассматриваемых событий Г. П. Федотова, крупные капиталы наживались лишь в 1923 г. – «в первый год настоящего, ленинского нэпа», однако уже через год с миллионерами в советском государстве было покончено⁶⁸.

Среди городской толпы нэпманов отличала модная одежда «с иголки», однако были категории дельцов, которые приобретали вид ответственных работников – защитного цвета френч и галифе, сапоги – в таком виде проще проникнуть в советские учреждения для налаживания нужных контактов⁶⁹. А. Б. Мариенгоф в описании своего персонажа не ограничивается «категориями». Внешний образ Докучаева вобрал в себя все черты и особенности, характерные для нэпмана, от стремления к внешнему лоску до способности «маскироваться» сообразно ситуации: чтобы быть своим среди чужих он меняет соболью шапку и сибирскую доху на красноармейскую шинель и кожаную куртку «восемнадцатого года»⁷⁰.

⁶⁶ Гехт С. У. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 57.

⁶⁷ Крокодил. 1922. № 4. С. 6.

⁶⁸ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1992. С. 203.

⁶⁹ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Москва НЭПовская. Очерки городского быта. М., 2011. С. 39.

⁷⁰ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 101.

Арест за спекуляцию в качестве финала предпринимательской деятельности Докучаева является типичным для рассматриваемого периода. Неизбежными спутниками обретения большого капитала были воровство, взяточничество и спекуляция, в результате к середине 1920-х годов не осталось ни одно крупного нэпмана, ни разу не привлекавшегося к уголовной ответственности⁷¹.

Важным представляется вопрос восприятия нэпманов представителями старой буржуазии и лицами, к ней причисляемыми. Бывшая аристократия и интеллигенция редко вливалась в ряды «новой буржуазии». Были случаи, когда старая знать выступала в качестве арендаторов или посредников, но это было скорее исключением. В отношении новой буржуазии «бывшие» держали пренебрежительную дистанцию, считая их людьми иного круга. «Бывшие люди продавали, нэпманы покупали и прятали»⁷² - писал С. М. Голицын, подчеркивая принципиальные различия в образе существования и психологии старой и новой буржуазии. Однако, по мнению исследователя истории повседневной жизни «бывших» людей Т. М. Смирновой, различия эти носили чисто внешний характер - нэпманы не имели того внешнего лоска, отражающегося в манерах и внешнем облике, который был свойственен «бывшим»⁷³. В романе дистанция между старой и новой буржуазией отражена в демонстративном отказе Ольги читать письмо Докучаева из-за непереносимости грамматических ошибок⁷⁴, и самой фамилии нэпмана, указывающее на отношение к нему других персонажей.

Образы героев романа во многом пересекаются с образами представителей соответствующих категорий населения, создаваемыми периодической печатью. Главная советская газета «Правда» изображает

⁷¹ Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты»... С. 120.

⁷² Голицын С. М. Записки уцелевшего... С. 123.

⁷³ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России... С. 169.

⁷⁴ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 127.

нэпмана как человека, ведущего недостойный образ жизни, транжирящего деньги, пытающегося дать взятку должностному лицу⁷⁵. Исключительно в негативном свете представляется нэпман на страницах «Огонька»: он занимается связанной с обманом деятельностью, лишен возвышенных чувств и руководствуется лишь низменными побуждениями⁷⁶. С возникновением частных издательств у государственного образа нэпмана появилась альтернатива. Так, в одном из частных журналов «Новая Россия» был опубликован очерк М. Шагинян, в котором нэпман предстает в амплу нового человека, двигателя прогресса⁷⁷. Однако в таком свете нового буржуа воспринимала лишь незначительная часть интеллигенции, в то время как в восприятии большинства населения бытовал образ нэпмана, созданный государственной пропагандой, и изображение Докучаева в романе является зеркальным отражением образа, созданного большевистской печатью.

Праздный образ жизни, при котором «главное дело - пить чай с шоколадом» и «гамлетические шатания» были неизменными спутниками упоминаний о буржуазной интеллигенции в периодической печати⁷⁸. Эти особенности нашли отражение в центральном персонаже романа - Владимире. Значительную часть своего времени он проводит в прогулках по городу и праздных беседах – именно его агрессивная общительность натолкнула высокопоставленного брата «похлопотать» о его возвращении к преподавательской деятельности – «все, что тебе необходимо выболтать за день, — выбалтывай с кафедры»⁷⁹. Он отстранен от происходящих в стране событий, не приемлет большевистскую идеологию и стремится любым способом остаться в зоне действия старых привычек и условий, что

⁷⁵ Правда. 1921. 8 дек.; Правда. 1922. 4 февр.; Правда. 1922. 29 марта.

⁷⁶ Огонек. 1924. № 12. С. 15.; Огонек. 1924. № 15. С. 15.

⁷⁷ Шагинян М. Что есть нэпман? // Новая Россия. 1923. № 6. С. 17.

⁷⁸ Красная Газета. 1922. 14 янв.; Красная Газета. 1922. 23 февр.; Правда. 1919. 22 авг.

⁷⁹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 64.

полностью соответствует портрету буржуазного интеллигента, создаваемого прессой.

Роман А. Б. Мариенгофа, написанный в стиле дневниковых заметок главного персонажа, представляет те или иные события в качестве свершившегося факта, не давая читателю возможности проследить процесс их свершения, что не позволяет говорить о романе, как об источнике, в полной мере отражающем повседневную жизнь представителей так называемых буржуазных классов в новом обществе. Однако сходство в описании героев и их быта со свидетельствами современников и образами, спускаемыми прессой, позволяют назвать роман литературной фиксацией восприятия людей и жизни, характерного для советского общества 1918-1924 гг.

1. 2. «Новое» общество и «новая» власть: особенности взаимного восприятия.

Советское общество в начальный период своего становления не было однородным, что проявлялось в его отношениях с действующей властью. Будучи ограниченными содержанием романа, остановимся на взаимоотношениях власти с теми слоями общества, которые представлены на его страницах – так называемой буржуазной интеллигенцией, представителями которой являются центральные персонажи романа Владимир и Ольга, и новой буржуазией, представленной в лице Докучаева.

Отношение интеллигенции к свершению Октябрьского переворота, установившему власть большевиков, было различным. Широкий спектр оценок колебался от враждебно-негативных до восторженно-приветственных. Дdiamетральность мнений относительно смены власти, присущая интеллигенции, наглядно представлена в романе – Владимир относится к большевикам недоверчиво, в то время как Ольга наблюдает за происходящими переменами с трепетным восторгом, хотя эта восторженность обусловлена скорее любопытством и скукой, чем идейным родством с новой властью.

По оценкам исследователей, в гуле мнений интеллигенции преобладали негативные настроения⁸⁰. Современница событий, ярая противница большевизма З. Н. Гиппиус в своих воспоминаниях делит интеллигенцию по принципу отношения к власти на «склонившихся» - идущих на контакт с большевиками из страха, «сдавшихся» - сотрудничавших с властью «за совесть», и «приспособившихся», при этом, как отмечает писательница «сдавшиеся, предавшиеся, насчитываются единицами»⁸¹. Историк Г. А. Князев в своих дневниковых заметках, говоря о большевиках, отмечал: «Все их ругают. Я ни разу не слышал, чтобы хвалили их, серьезно защищали»⁸². Антибольшевистских позиций придерживалась пензенская интеллигенция, составлявшая ближайшее окружение семьи А. Б. Мариенгофа, о чем свидетельствуют фрагменты воспоминаний автора «Циников»: «Знаменитый на всю губернию присяжный поверенный был совершенно прав, когда заявлял, что они «никому не нравятся». Разумеется, надо понимать под словом «никому» - солидную пензенскую интеллигенцию»⁸³.

Многие представители интеллигенции воспринимали новую власть как временное явление⁸⁴. Так, С. М. Голицын вспоминает, что тема скорейшего ухода большевиков – мемуарист уточняет, что «большевики именно "сами уйдут", а не будут изгнаны, свергнуты»⁸⁵ - была одной из самых обсуждаемых в кругу его семьи и ближайшего окружения.

⁸⁰Алексеева А. П. Постреволюционный конфликт российской инакомыслящей интеллигенции с властью : автореф. дис. ... к.и.н. М., 2005. С. 21.; Казанин И. Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001. С. 49-50.; Соболев Г. Л. Русская революция 1917 г. и ученые // Интеллигенция на историческом переломе : Первая треть XX в. : Тез. докл. и сообщ. науч. конф. (СПб, 19-20 марта 1996 г.). СПб., 1996. С. 89-91.; Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 101; Он же. Октябрьская революция и интеллигенция. М., 1968. С. 6.

⁸¹ Гиппиус З. Н. Петербургский дневник... С. 23.

⁸² Князев В. Покатилось красное колесо... URL: <http://izidis.narod.ru/kols.htm> (дата обращения: 13 февр. 2017 г.)

⁸³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 648. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

⁸⁴ Семенов А. А. Повседневная жизнь населения... С. 31.

⁸⁵ Голицын С. Записки уцелевшего... С. 10.

Идея о временном характере власти большевиков нашла отражения в воззрениях одного из героев романа. Так, Владимир, на один из упреков жены отвечает: «Имею основания полагать, что, когда разбушевавшаяся речонка войдет в свои илистые бережочки, весь этот «социальный»... «патриотизм» обернется в разлюбезную гордость жителей уездного ... городка», которые ранее восторгались властолюбием и самодурством своего купца⁸⁶. Неверие в новую власть и недоверие к ней находит отражение в постоянной иронии героя. В самом начале романа Владимир говорит: «...после нашего социалистического переворота я пришел к выводу, что русский народ не окончательно лишен юмора»⁸⁷. Историк М. А. Базанов, рассматривавший образ Владимира как представителя профессионального сообщества, определяет его отношение к новой власти как внутреннюю эмиграцию – отстранение от происходящих в стране событий, дополняющееся неприятием большевистской идеологии⁸⁸. Подобное отношение к власти и действительности было характерно для преподавательского состава высшей школы⁸⁹.

Аналогичные чувства отторжения и недоверия испытывала новая власть по отношению к интеллигенции. В одном из своих выступлений В. И. Ленин говорил: «Слишком надеяться на интеллигенцию рабочему классу и крестьянству не приходится, так как многие из интеллигенции, идущие к нам, всё время ждут нашего падения»⁹⁰. Со временем отношение власти к интеллигенции приобретало более жесткие черты, представление как о ненадежном попутчике сменялось представлением как о враге, образ которого старательно создавался прессой.

⁸⁶ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 65.

⁸⁷ Там же. С. 7.

⁸⁸ Базанов М. А. Взгляд историка ... С. 80.

⁸⁹ Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 35-36.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 470.

Вслед за вождем революции, периодическая печать обличала интеллигенцию в ее контрреволюционности. Помимо фактов саботажа и связи с белыми правительствами, доказательства которой были не слишком убедительны и предоставлялись, не ссылаясь на источники, в счет противодействиям действующей власти ставилась аполитичность значительной части интеллигенции⁹¹. Политический портрет дополнялся нелицеприятными личностными качествами интеллигентов, в пестрой палитре которых основными были страсть к сплетням, трусость, склонность к мелким интригам, глупость и пошлость⁹².

Значительная часть этих обвинений в той или иной мере нашли отражение в образе главного героя романа. Владимир не принимает новую власть и испытывает животный страх перед ней. Так, покупая цветы своей будущей супруге, замечая, что букет упаковывают в кадетскую газету «Речь», восклицает: «Безумец, что вы делаете? Разве вы не видите, в ка-ку-ю газету вы завертываете мои цветы!... Неужели же вы не знаете, что ваши розы - это...контрреволюция!... Нет ... у меня на плечах только одна голова.»⁹³. Подобные реплики могли бы показаться читателю преувеличенными, обличающими произносящего их человека в излишней трусости, однако в контексте времени опасения главного героя представляются хоть и не лишены гротеска, но достаточно обоснованными. Так, 28 ноября 1917 г. был принят декрет «Об аресте вождей Гражданской войны против революции», согласно которому члены руководящих учреждений кадетов подлежали аресту и преданию суду, а лица, состоящие в партии, попадали под особый надзор⁹⁴. Как позднее признавал сам В.И. Ленин, в реализации положений декрета не обошлось без перегибов. В письме от 15 сентября 1919 г., адресованном А. М. Горькому, он отмечал: «...мы решили в Цека назначить

⁹¹ Правда. 1918. 25 янв.; Правда. 1922. 18 марта.

⁹² Правда. 1919. 22 авг.

⁹³ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 20-21.

⁹⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг... С. 58.

Каменева и Бухарина для проверки ареста буржуазных интеллигентов околкадетского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были»⁹⁵.

Излишнюю осторожность проявлял герой и в преподавательской деятельности. После своей первой лекции о каменном веке, Владимир отмечает чересчур «современные» места, встреченные свистками и аплодисментами в аудитории - «Олухи, переполнявшие аудиторию, воображали, что я «подпускаю шпилечки»... Надо быть поосторожнее»⁹⁶. С точки зрения современности эти размышления представляются абсурдными, однако в годы Гражданской войны такие мысли имели реальное основание – преподаватели высшей школы нередко подвергались арестам⁹⁷.

Единственный сюжет направленной против интеллигенции пропаганды, не нашедший ни малейшего отражения в образах героев – излишняя религиозность. Теме религии и религиозности посвящена лишь одна фраза, брошенная Владимиром в ходе разговора с супругой: «Всякая вера приедается, как рубленые котлеты или суп с вермишелью.

Время от времени ее нужно менять: Перун, Христос, Социализм»⁹⁸. Герои никак не соотносят себя с религией, воспринимая её как этап в истории человеческих идей и идеологий, что никоим образом не совпадает с содержанием газетных заметок⁹⁹.

Отношения общества к новой власти и предпринимаемым ею мероприятиям на протяжении рассматриваемого периода не было статичным. Важным толчком к колебанию маятника общественного мнения стал переход к новой экономической политике. Введение НЭПа было воспринято

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

⁹⁶ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 78.

⁹⁷ Князев Г. Покатилось красное колесо... URL: <http://izidis.narod.ru/kols.htm> (дата обращения: 13 февр. 2017 г.)

⁹⁸ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 133.

⁹⁹ Безбожник. 1922. 21 дек.; Правда. 1922. 10 авг.

широкими слоями населения как возвращение к старым, дооктябрьским порядкам, что вызывало негативную реакцию со стороны рабоче-крестьянской общественности¹⁰⁰. В вопросе восприятия НЭПа позиция героев романа – представителей «нетитульных» классов, полностью совпадает с мнением значительной части советского общества. «Прекраснейшая из рожениц производит на свет чудовище»¹⁰¹ - говорит Ольга мужу, подразумевая рождение революцией новой буржуазии.

В. И. Ленин характеризовал новую политику как обходной путь от капитализма к социализму¹⁰². В партийной печати НЭП представлялся как явление временное, верить в постоянство которого – «вреднейшая иллюзия»¹⁰³. Новая экономическая политика трактовалась как чуждое советскому строю явление, и отношение новой власти к частнику было соответствующим - как к животному, откармливаемому на убой¹⁰⁴. Именно такое представление о новой буржуазии создавалось периодической печатью: Товарищ, погляди на них хозяйский оком.

Пусть на Тверской они пасутся вечерком,
Пусть наливаются скотины эти соком,
И покрываются жирком,
Пусть шерстью обрастают они! Зевать не надо,
А надо их стеречь, как мы их стережем,
Грозь кнутом, а не ножом,
А должный срок придет, и мы все это стадо
Как захотим, так обстрижем!¹⁰⁵

¹⁰⁰ Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 76-82.

¹⁰¹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 70.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 494.

¹⁰³ Правда. 1921. 18 июля.

¹⁰⁴ Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженые капиталисты»... С. 38-43.

¹⁰⁵ Правда. 1922. 2 февр.

Отношения власти к новому социальному классу привлекало внимание не только местной прессы, но и иностранных журналистов. Так, А. Бэлл в качестве эпиграфа к одной из глав своей книги приводит цитату американского журналиста Мориса Хиндуса, иллюстрирующее отношение власти и общества к тем, кого называли «нэпман»: «Они придумали новое слово – нэпман – и ни один человек, не бывавший в России, не может понять, что означает это слово в этой стране. Нэпман – символ деградации, объект насмешек и презрения! Пария, социальная свинья! Злодей на сцене, злодей в кино, злодей в повседневной жизни! Нэпман – ярлык, проклятие, анафема!»¹⁰⁶.

К «новым буржуа» относились настороженно, их деятельность происходила под пристальным вниманием экономического отдела ОГПУ, о чем пишет в своих мемуарах П. А. Судоплатов¹⁰⁷. Были исключения, когда к представителям новой буржуазии относились мягче, чем к выходцам из бывших угнетаемых слоев. Наказания, получаемые за различные правонарушения, были скорее символическими, а в тюрьмах нэпманы содержались в привилегированных условиях¹⁰⁸. И. Б. Орлов и С. А. Пахомов приводят следующие данные: среди лиц, осужденных за кражу и скупку краденого, только 25% торговцев было приговорено к лишению свободы, в то время как среди рабочих эта цифра составляла 55%, а среди служащих – 33%. Следовательно, 75% торговцев отделалось денежными штрафами. Несмотря на нелюбовь власти к новой буржуазии, наказывали их более мягко, и в этом был резон: от получаемых от провинившихся торговцев денежных средств пользы было больше, чем от самих торговцев на принудительных работах¹⁰⁹.

Чувствуя потребительское отношение властей и временный характер оттепели в отношении частного капитала, новые буржуа пытались получить

¹⁰⁶ Alan M. Ball. Russia's Last Capitalists: The Nepmen. 1921-1929. Berkely; Los-Angeles; London, 1987. P. 15.

¹⁰⁷ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 53.

¹⁰⁸ Беднота. 1923. 18 окт.

¹⁰⁹ Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты»... С. 50-51.

максимум выгоды из сложившейся ситуации, прибегая к различным методам, одним из которых была дача взяток. Персонаж исследуемого романа Докучаев разработал целую философию взятки, базирующуюся на убеждении «Все берут! Вопрос только — чем»¹¹⁰. Широко распространенное во все времена, взяточничество проявило себя уже в первые месяцы после установления большевистской власти. 8 мая 1918 г. СНК принял декрет «О взяточничестве», согласно которому виновные в принятии или даче взятки, а также лица, подстрекающие к этому преступлению, наказывались лишением свободы на срок не менее пяти лет¹¹¹. Угроза наказания не возымела должного эффекта – взяточничество не только продолжало существовать, но и увеличивало свои масштабы. С течением времени менялась форма дачи взятки – в ситуации быстрого обесценивания денежных знаков, характерной для периода военного коммунизма, весомым видом взятки становилась выдача в товарном эквиваленте. В условиях недостатка продовольствия охотно «брали» дефицитные продукты¹¹². В качестве основной «валюты» в этот период выступало спиртное¹¹³.

Не менее благодатной почвой для развития коррупции стала новая экономическая политика. Широкие перспективы в этой области, отмечаемые многими партийными деятелями¹¹⁴, нашли отражение в сатире. Так, в 1922г. в январском номере журнала «Красный смех» была размещена актуальная на тот момент пословица: «Семь дел в одни руки не берут, а семь взяток - можно»¹¹⁵. О чудовищном размахе коррупции также свидетельствуют обращения граждан в государственные структуры. Так, в письме в редакцию газеты «Известия» партийный работник И. Е. Попов сообщает, что без

¹¹⁰ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 102.

¹¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг... С. 487-488.

¹¹² Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. ... С. 178.

¹¹³ Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013. С. 29.

¹¹⁴ Там же. С.31.

¹¹⁵ Красный смех. 1922. № 1. С. 6.

взятки «большого дела не сделаешь» - «езде нужно «подмазать» хлебом, самогоном, мясом и деньгами»¹¹⁶. В этих условиях одним из основных субъектов дачи взятки выступал советский предприниматель, стремившийся с помощью подкупа сотрудников государственных органов быстро «сколотить» капитал¹¹⁷. Таким образом, выбор Докучаевым взятки в качестве способа диалога с властью вполне соответствует духу времени.

1. 3. Традиционные ценности и новая мораль

С приходом к власти большевиков изменилась не только внешняя составляющая жизни российских граждан, но и ее внутреннее содержание. Возникающая на пепелище империи новая пролетарская культура отрицала традиционные нормы и ценности, предлагая взамен иные, революционные. Так охарактеризовал грянувшие изменения сочувствующий большевикам писатель В.П. Катаев: «Впервые мы почувствовали себя освобожденными от всех тягот и предрассудков старого мира, от обязательств семейных, религиозных, даже моральных. Только права и никаких обязанностей»¹¹⁸.

Процесс создания новых ценностей и ориентиров проходил под лозунгом борьбы с буржуазными пережитками, в числе которых особое место занимала религия. В. И. Ленин характеризовал религию как «один из видов духовного гнёта», «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»¹¹⁹. С падением капитализма потребность «топить» отпала, а, следовательно, исчезла необходимость существования церкви в новом советском государстве. Однако от решительных действий в деле искоренения

¹¹⁶ Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 307-308.

¹¹⁷ «Бублики для республики» ... С. 166. ; Маркосян Г. М. Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней: автореф. дисс... к. и. н. М., 2010. С. 14.

¹¹⁸ Катаев В. П. Алмазный мой венец. М., 2014. С. 335.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 142-143.

религии большевистская власть предпочла отказаться, заменив их постепенным выведением церкви из бытовых практик населения.

В январе 1918 г. был принят декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», согласно которому устанавливался светский характер власти, религиозные организации лишались права собственности, а все важные события в жизни человека, традиционные связанные с церковью и религиозными обрядами – рождение, вступление в брак – передавались в руки государственных структур¹²⁰.

Отделение церкви от государства способствовало сокращению ее влияния на мировоззрение населения и его поведенческие стандарты. Нормы и принципы, диктуемые религией, сменились принципами классовой борьбы, легшими в основу новой, классовой морали, которая внесла свои коррективы в функционирование не связанных с категориями морали и нравственности норм – правовых. Так, новые суды руководствовались революционным сознанием и революционной совестью, а старые законы использовались только в тех случаях, когда они не противоречили интересам революции.¹²¹ То, что раньше считалось преступлением, теперь стало восприниматься как справедливое перераспределение ценностей, а противоправные действия по отношению к представителям нетитульных классов не воспринимались как преступление ни властью, ни обществом¹²². О. Л. Керенская вспоминает, как по возвращению со службы с настороженностью проверяла дверной замок - ограбление «буржуйских» квартир было характерным атрибутом периода военного коммунизма¹²³.

В числе буржуазных пережитков, требующих если не полной ликвидации, то кардинального реформирования, оказались брачно-семейные

¹²⁰ Декреты Советской власти. Т. 1... С. 373-374.

¹²¹ Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917 – 1920 гг. М., 1982. С. 209.

¹²² Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб, 2003. С. 99; Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 112. ; Семенов А. А. Повседневная жизнь населения... С. 57.

¹²³ Керенская О. Л. Мертвые молчат... С. 111-112.

отношения. Буржуазному единобрачию, основанному на экономическом интересе и подчинении¹²⁴, противопоставлялась идея свободной любви, ставшая своеобразным девизом нового времени.

Делу «освобождения» любви послужило изменение семейно-брачного законодательства, первые шаги в деле корректировки которого были сделаны спустя два месяца после торжества революции. Так, 16 декабря 1917 г. был принят декрет «О расторжении брака», упрощающий бракоразводный процесс. Отныне супруги могли расторгнуть брак, если реальная семейная жизнь отличалась от их представлений. При обоюдном желании супругов, развод осуществлялся незамедлительно в соответствующем отделе органов ЗАГС, если же желание развестись имел лишь один из членов брачного союза, требовалось обратиться в суд¹²⁵. 18 декабря 1917 г. был принят еще один документ – декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», согласно которому с 20 декабря 1917 г. церковный брак терял свою силу и заменялся браком гражданским, регистрируемым в органах ЗАГС¹²⁶. Эти декреты легли в основу принятого 22 октября 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Согласно Кодексу, устанавливалось полное равноправие супругов. Женщина могла сохранить свою фамилию, иметь отдельное место проживания и самостоятельно распоряжаться своими доходами. Для заключения брака имело значение только согласие супругов, мнение их родственников не учитывалось. Произошли нововведения в самой процедуре регистрации: помимо брачующихся, обязательным условием регистрации брака было присутствие двух человек, которые получили название свидетели. Жених и невеста могли приглашать на церемонию иную публику, но ее присутствие никоим образом

¹²⁴ Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937. С. 180-181; Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М.; Л., 1927. С. 29, 31, 35.; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 96.

¹²⁵ Декреты Советской власти. Т. 1... С. 237-239.

¹²⁶ Там же. С. 247-248.

не могло повлиять на регистрацию брака¹²⁷. Жених и невеста могли явиться на регистрацию брака в будничной одежде, свидетели нередко были посторонними людьми «с улицы»¹²⁸, а глагол «расписаться» приобрел новое значение.

Момент регистрации брака упущен в исследуемом романе, а сам факт создания семьи обозначен репликой безымянного председателя домового комитета: «Вы как женились – по любви или в комиссариате расписались?»¹²⁹. Такая постановка вопроса – не столько намек на «бесчувственность» зарегистрированного брака, сколько указание на другую форму взаимоотношения полов, получившую широкое распространение в рассматриваемый период – сожительства. Популярность фактического брака имела ряд негативных последствий – рост девиантного поведения в семейно-брачных и сексуальных отношениях, увеличение числа обитателей детских домов рожденными вне брака детьми¹³⁰ – что заставило государство внести изменение в брачно-семейное законодательство. Согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке, принятому в ноябре 1926 г., фактические браки приравнивались к зарегистрированному брачному союзу, а сожители получали все права и обязанности законных супругов¹³¹. Уравнивание двух форм совместного проживания мужчины и женщины в обществе произошло раньше, чем было зафиксировано законодательно. Так, в 1924 г. журнал «Строительство Москвы» разъяснял читателям: «Если гражданин и

¹²⁷ Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве. URL: <http://istmat.info/node/31624> (дата обращения: 17 февр. 2017 г.).

¹²⁸ Дианова Е. В. «Нас венчали не в церкви»: о бракосочетании и регистрации браков в советский период // Российская семья: историко-психологический портрет: мат. XXIV всерос. науч. конф. СПб, 15-16 дек. 2008 г.: В 2 ч. СПб., 2008. Ч. 2. С. 52.

¹²⁹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 25.

¹³⁰ Исаев В. И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920-1930-е гг. Новосибирск, 2008. С. 72-73.; Никулин В. В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания института брака к консервативной семье // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7-8. Т. 21. С. 106.

¹³¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (дата обращения: 19 февр. 2017 г.).

гражданка живут как муж и жена и сами это признают, то считается, что они состоят в браке»¹³².

Вместе с законодательством, менялись ценностные установки граждан относительно брака и взаимодействия полов. При этом спектр взглядов и настроений приобретал крайне широкую амплитуду, колеблясь от традиционно-патриархальных до ультрареволюционных проектов «распределения» женщин исходя из положения претендента в новой социальной иерархии¹³³.

Широкое распространение получили взгляды А. М. Коллонтай, которая выступала за признание всех форм брачных и «различных видов любовных отношений» между полами, отрицая «лицемерную мораль буржуазии» с её «общипанным, бескрылым Эросом»¹³⁴. С точки зрения А. М. Коллонтай, для классовых задач нового советского общества совершенно безразлично, какие формы принимает любовь – длительного и оформленного союза или выражается в виде «преходящей» связи – идеология не ставит никаких формальных границ любви¹³⁵. А. М. Коллонтай критически относилась к моральному багажу женщин, считая его устаревшим и требующим пересмотра; признавала моногамию в браке, но поддерживала идею о том, что любой брачный союз обречен на разрыв¹³⁶, тем самым обесценивая и сам брачный союз, и идею верности в нем.

Среди творческой интеллигенции широкий отклик получили принципы «Жены, дружите с возлюбленными вашего мужа!» и «Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своему мужу, а муж рекомендует жене

¹³² Строительство Москвы. 1924. №4. С. 48.

¹³³ Социализация женщин. Пг., 1918. С. 11; Черных А. И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 170.

¹³⁴ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. №3. С. 122.

¹³⁵ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! ... С.121. ; Она же. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 57-60.

¹³⁶ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! ...С. 121.

своих товарищей»¹³⁷. Активно практиковал такую форму отношений первый большевистский поэт В. В. Маяковский, сожительствующий со своей возлюбленной Л. Ю. Брик и ее мужем, с которым у поэта были теплые дружеские отношения, о чем свидетельствуют его многочисленные письма к семейству Брик¹³⁸.

Менее радикальных, но не менее актуальных в рассматриваемый период взглядов придерживались многие представители столичной богемы. Так, писательница Н.Я. Мандельштам, жена поэта О.Э. Мандельштама, писала: «Мне претила ложь и скука старой семьи, и я участвовала в ее разрушении. Выход я нашла в свободном союзе»¹³⁹.

Наиболее деятельно к вопросу «свободной любви» подходила коммунистически настроенная рабочая молодежь. Способом проблемы взаимодействия полов становилось совместное проживание в коммунах. Вопросов о женитьбе у коммунаров не стояло, а лица, вступающие в половую связь, «не отвлекались от общественной жизни»¹⁴⁰.

Брак центральных персонажей исследуемого романа представляет собой собирательный образ воззрений, бытовавших в обществе. Так, герои романа воспринимают свои отношения как необременительный союз, лишенный всяких обязательств, охотно отказываясь от буржуазных пережитков – моногамии и ревности. Рассуждая об измене, главный герой романа приводит следующее сравнение: «Вон на той полочке стоит моя любимая чашка. Я пью кофе из нее с наслаждением... Конечно, я пью кофе иногда и из других чашек. Даже из стакана... Но разве это меняет дело по существу? Разве перестает чашка быть для меня единственной в мире?»¹⁴¹.

¹³⁷ Черных А. И. Становление России советской... С. 171.

¹³⁸ Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, письма. Нижний Новгород, 2011. С. 193-194, 198-199.

¹³⁹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга: воспоминания. М., 2001. С. 117.

¹⁴⁰ Лебина Н. Б. Советская повседневность... С.77.

¹⁴¹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 50-51.

Герои обходятся без лишних драм, легко переживая неверность, не скрывают внебрачных связей, имеют прекрасные отношения с возлюбленными друг друга и с легкостью дают свои рекомендации по выбору пассий. Выбирая возлюбленных, Ольга руководствуется соображениями о положении избранника в социальной иерархии нового общества и вполне коммунистическими идеалами общей пользы – свою связь с Докучаевым героиня неубедительно оправдывает желанием оказать финансовую помощь голодающим.

Вполне соответствует историческому моменту отношение героев к религии. Отрицая всякую веру, герои воспринимают религию как временное явление в общественной жизни, которое впоследствии будет заменено иным, более соответствующим времени.

Таким образом, революционное отрицание укоренившихся норм и стандартов, ставшее основой новой морали, нашло свое отражение на страницах романа в форме характерных для советского общества идей и воззрений, ставших основанием морально-нравственного облика героев исследуемого произведения.

1. 4. Способы проведения досуга в «новом» обществе

В процессе перерождения «старого» общества в «новое», сопровождаемом борьбой с буржуазными предрассудками, важную роль занимало формирование новой модели повседневной культуры, неотъемлемой частью которой являлись досуговые практики населения.

Способы проведения досуга в романе показаны избирательно – А. Б. Мариенгоф, опуская популярные среди рабоче-крестьянского большинства способы проведения свободного времени, занимает своих персонажей менее распространенными в новом обществе практиками.

Одной из форм досуга, наименее любимых в новом обществе, было чтение. По данным Н. Б. Лебиной, на него приходилось 1,6 ч. свободного времени нового гражданина, однако такое положение вещей

характерно скорее для старшего поколения городского пролетариата, в то время как молодые представители «нового» общества не питали большого интереса к книгам. Читали представители молодежи, втянутые в общественную работу, отдавая предпочтение книгам политического характера, как литературе наиболее соответствующей времени¹⁴².

О своеобразном отношении к книгам «нового» человека писала в своих воспоминаниях О. Л. Керенская. Ольга Львовна, опасаясь жить одной в огромной квартире, сдала две комнаты молодой паре студентов, которые, как позднее оказалось, были «ответственными сотрудниками», уполномоченными «присматривать» за хозяйкой квартиры. В сданных комнатах осталось библиотека, включающая ценные иллюстрированные издания. Через некоторое время Ольга Львовна заметила, что все иллюстрации из многотомной энциклопедии были старательно вырезаны, и выразила свое недовольство квартирантке, которая даже «нисколько этому не удивилась и не стала отрицать». Причиной такого поведения молодая женщина назвала нервное расстройство мужа, который переживал за ее участь в занятой белыми Гатчине¹⁴³. Чтение, как и книга, воспринималась многими представителями титульных классов как пережиток буржуазного прошлого и неременный атрибут жизни бывших эксплуататоров, о чем писала З. Н. Гиппиус: «Книги – первый признак “буржуазности”... У нас их столько, что наша квартира во всем доме, конечно, самая “буржуазная”»¹⁴⁴. Не найдя отклика среди титульных классов, книга остается неизменным спутником интеллигенции, что подтверждается воспоминаниями современников и нашло отражение в романе – герои регулярно обсуждают новейшие публикации, среди которых автор упоминает стихи имажинистов, в числе которых был сам А. Б. Мариенгоф, а центральный персонаж романа

¹⁴² Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2009. С. 207.; Лебина Н. Б. Советская повседневность ... С. 273, 275.; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 235.

¹⁴³ Керенская О. Л. Мертвые молчат... С. 110.

¹⁴⁴ «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья : историч. альманах. 1992. Вып. 2. С. 79.

Владимир, не в силах распрощаться со своей библиотекой, просит высокопоставленного брата поспособствовать получению охранной грамоты.

Если чтение оставалось развлечением буржуазно-интеллигентских слоев «нового» общества, то «хождение по гостям» было распространенной практикой проведения досуга у всех категорий населения. По подсчетам Л. А. Гордона, встречи с друзьями еженедельно занимают 6,2 ч. нового гражданина, что является второй по величине расходуемого времени формой проведения досуга – наиболее продолжительным занятием был домашний труд¹⁴⁵. О внеклассовости гостевого времяпрепровождения свидетельствуют современники: «К общению стремились и рабочие, и молодежь, и служащие, и интеллигенция. Посещение родственников перемежалось приемами сослуживцев или собратьев “по перу”. Различались и частотность посещений и приемов. Одни забегали вечером на “огонек”, попутно, на минутку, другие готовились к этому событию весьма тщательно, придавая ему характер значительного мероприятия»¹⁴⁶.

С введением НЭПа досуговые практики населения обретают большее разнообразие. Характеризуя ситуацию в Москве, К. Н. Голицын вспоминал: «Жизнь бурлила. Сегодня сходились на танцы в одном месте, завтра - в другом. Не проходило дня, чтобы не ехали в гости то к одним, то к другим. Театры, кафе, рестораны, даже лихачи «на дутиках», - все было к услугам тех, кто мог платить. Деньги же водились у многих»¹⁴⁷. Данная характеристика вполне соответствует изменениям, коснувшимся способов времяпрепровождения героев романа, исключение составила лишь театральная сторона вопроса – герои интересуются театром, но отказываются

¹⁴⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 149. ; Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона): сб. М., 2003. С. 158.

¹⁴⁶ Цит. по Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 123.

¹⁴⁷ Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича. М., 1997. С. 159.

от его посещений ввиду несоответствия репертуара «героическому моменту»¹⁴⁸.

Игнорирование театральных развлечений было характерной чертой для представителей нового общества, воспринимавших театр как заведение буржуазного толка, в особенности такая репутация закрепилась за академическими театрами, которые обвинялись в транслировании сюжетов буржуазного прошлого¹⁴⁹, что нашло отражение в сатире. Так, «Крокодил» представлял читателям ироничную заметку о посещении театра семьями чернорабочих – пьеса была по-буржуазному пошлой и скучной, а лучшим моментом представления было закрытие занавеса¹⁵⁰. Подобные характеристики не способствовали популяризации театрального досуга – в начале 1920-х годов систематически пустовало более половины мест в залах Петрограда. Бесплатные билеты, раздаваемые рабочим, мало способствовали привлечению публики.¹⁵¹ Аналогичная ситуация складывалась в Москве: отсутствие интереса населения к театральным постановкам привело к неоднократному обсуждению вопроса о закрытии Большого театра по причине его не окупаемости.¹⁵² Однако непопулярность театров оказалась явлением краткосрочным, о чем свидетельствует рост их числа – в 1924 г. в Москве функционирует 36 театров и театральных студий, что на 7 больше, чем годом ранее.¹⁵³ Введение НЭПа способствовало появлению новой, жаждающей зрелищ публики, хлынувшей в театральные залы. Так описывает новых зрителей З. Рихтер: «В золото-малиновых ложах Большого театра ... не рабочие блузы, как это было в 1918-1920 гг., а оголенные, украшенные

¹⁴⁸ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 83.

¹⁴⁹ Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт... С. 48.

¹⁵⁰ Крокодил. 1922. № 10. С. 6.

¹⁵¹ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 248.

¹⁵² Власть и культурная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953. М., 2002. С. 31-34, 43.

¹⁵³ Вся Москва: адрес. и справ. кн. на 1923 г. М., 1923. С. 280-283.; Вся Москва: адрес. и справ. кн. на 1924 г. М., 1924. С. 135-138.

драгоценностями дамские плечи и руки, набриолиненные мужские проборы и сюртуки. Картина довоенного и дореволюционного времени. Публика не менее «шикарная», чем прежде, но если приглядеться, - не прежняя... так называемые нэпачи и нувориши»¹⁵⁴.

Растущий интерес к театральным постановкам способствовал возрождению так называемых «театральных барышников»¹⁵⁵ – лиц, спекулирующих на театральных билетах, о чем сообщает корреспондент «Огонька»: «Жадную свору спекулянтов...можно видеть ежедневно у всех театров, у городских театральных касс... Заработки их часто исчисляются “лимонардами”»¹⁵⁶.

Введение НЭПа способствовало возрождению ресторанного дела и возвращению ресторанного отдыха в повседневные практики населения. Понятие «возрождение» в данном контексте весьма условно – несмотря на запреты властей, некоторые рестораны Москвы и Петрограда продолжали свою деятельность в годы военного коммунизма «подпольно», переместившись в квартиры своих владельцев¹⁵⁷.

Свое посещение одной из таких «тайных столовых» описывает Рюрик Ивнев. Держательницами этого заведения были некие сестры Карпович, у которых можно было пообедать как в «старое доброе время», обстановка изобиловала предметами из прошлой жизни – шикарные портьеры, «красное дерево шифоньерок и кресел» и несколько столиков, накрытых белоснежными скатертями, которые «напоминали хороший ресторан». Публика заведения отличалась пестротой - среди посетителей были представители литературной богемы, бывшие коммерсанты, «прочие бывшие» и новоявленные спекулянты. Меню заведения не было постоянным

¹⁵⁴ Известия ВЦИК. 1923. 11 марта.

¹⁵⁵ Крокодил. 1922. № 7. С. 11.

¹⁵⁶ Огонек. 1923. № 15. С. 14.

¹⁵⁷ Окунев Н. П. Дневник москвича (1917-1924). Париж, 1990. С. 207.; Богданов И. На углу всех улиц. СПб., 2005, С. 50, 91-92.

– ассортимент предлагаемых блюд менялся в зависимости от настроения и возможностей держателей ресторана¹⁵⁸.

Среди посетителей подобного рода заведений был автор исследуемого романа. А. Б. Мариенгоф в своей мемуарной прозе упоминает «гостиницу», хозяйкой которой была некая Надежда Робертовна. Держательница заведения вела с посетителями «весьма тонкие разговоры об искусстве» и угощала «необыкновенными слоеными пирожками» и отбивными, от которых гости чувствовали себя «счастливейшими из смертных»¹⁵⁹.

В отличие от элитных, заведения средней руки, не привлекавшие к себе особого внимания власти, продолжали существовать без смены локаций и пользовались спросом у публики. К концу весны 1918 г. своего коммерческого пика достигли трактиры. Вместо дореволюционных разносолов клиентам предлагалось мясо сомнительного качества по не самым заманчивым ценам, но в общей ситуации дефицита продовольствия и оно шло нарасхват¹⁶⁰. В декабре 1918г. деятельность трактиров была официально запрещена, однако владельцы не торопились расставаться со своим бизнесом - с фасадов снимались вывески, что не мешало клиентам определять место расположения излюбленных заведений¹⁶¹.

Несмотря на все тяготы и лишения военного коммунизма, владельцам ресторанного бизнеса удавалось не только сохранять свои заведения, но и открывать новые. Так, Рюрик Ивнев писал об открытии очередного кабачка, располагавшегося в подвальном помещении недалеко от Цветного бульвара. Держателем этого заведения был человек кавказской национальности, в качестве основного блюда предлагался шашлык, в дополнение к которому подавалась водка¹⁶².

¹⁵⁸ Ивнев Р. Богема... С. 47, 48, 56.

¹⁵⁹ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья ... С. 554.

¹⁶⁰ Окунев Н. П. Дневник москвича... С. 182, 185.

¹⁶¹ Там же. С. 242-243.

¹⁶² Ивнев Р. Богема... С. 161-162.

В качестве ресторатора в этот период попробовал себя и автор исследуемого романа, открыв совместно с товарищами по имажинисткой группе кафе «Парнас». А. Б. Мариенгоф развил бурную деятельность по обустройству заведения, превратив его в уголок Европы, оформив помещение на парижский манер и снабдив меню вином, пирожными и гренадином. Поэты нашли подход к большевистской власти, взяв на баланс своего кафе марксистский кружок, шахматный клуб и библиотеку, тем самым обеспечив себе свободу от визитов правоохранительных органов ¹⁶³.

В 1921 г. была восстановлена свободная торговля, что создало возможность закупок продукции у крестьян и дало толчок восстановлению на легальной основе старых ресторанов и открытию новых, с причудливыми названиями и не менее причудливой публикой. В описаниях посетителей кафе и ресторанов воспоминания современников сходятся к следующим образам: бывшие спекулянты, выросшие в новую буржуазию, «золотая молодежь» и представители богемы.¹⁶⁴ Своих героев А. Б. Мариенгоф отправляет в один из самых дорогих ресторанов Москвы – «Ампир», посетителем которого был сам автор – именно здесь Анатолий Борисович отмечал регистрацию брака с А. Б. Никритиной¹⁶⁵.

Единственной формой развлечений, упоминаемой в романе, но не нашедшей подтверждения в источниках и исследованиях применительно к рассматриваемому периоду явилось участие в лотерейных розыгрышах. Посещение героями «лотереи-аллегри в пользу голодающих» относится к 1922 г., однако свидетельства о подобного рода развлечения отсутствуют как в записках современников, так и в материалах периодической печати – газеты не содержат объявлений о проведении подобных мероприятий. Однако автора романа нельзя обвинить во лжи – лотереи действительно имели место быть, но их появление в жизни советского общества произошло годом позже – по

¹⁶³ Там же. С. 189-192.

¹⁶⁴ Рюрик Ивнев. Дневник.... С. 339, 356, 546-547.

¹⁶⁵ Мариенгоф А. Б. Мой век... С. 295-296.

данным исследователей, первый розыгрыш был проведен в 1923 г., и призы победителям предлагались более скромные – вместо коров и квартир участники получали предметы из национализированного имущества буржуазии¹⁶⁶. Более мелкими выигрышами не брезгует и автор романа – среди разыгрываемого в стенах Бывшего благородного собрания нашлось место изделиям из бронзы, фарфора и хрусталя, серебряными сервизами и терракотовыми статуэтками¹⁶⁷.

Неизменным спутником досуга были алкогольные напитки. Изначально политика большевиков имела антиалкогольную направленность. Алкоголь рассматривался как средство ухода от несправедливой социальной действительности, в котором после победы социализма не будет никакой нужды. Таким образом, алкоголь был причислен к пережиткам капиталистического строя, которому нет места при новом строе, что нашло отражение в ряде постановлений. Так, в декабре 1917 г. советское правительство продлило запрет на торговлю водкой на время войны и революции, а в июле 1918 г. приняло постановление, запрещающее производство самогона и продажу водки в период Гражданской войны и интервенции. 19 декабря 1919 г. был принят еще один документ – постановление СНК «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», невыполнение которого каралось лишением свободы на срок не менее 5 лет с конфискацией имущества¹⁶⁸.

Несмотря на принятые меры, алкоголь не исчез из повседневных практик населения, а порождаемые законом сложности распространения способствовали лишь росту цен на алкогольсодержащий товар. В условиях «диктатуры трезвости» бутылка крепкого алкоголя была вполне доступной для того, кто имел финансовую возможность ее купить. В 1918 г. в столице

¹⁶⁶ Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь советской повседневной жизни. М., 2015. С. 164.

¹⁶⁷ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 107-108.

¹⁶⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г.. С. 2-4.

свободно торговали спиртом по 1500 руб. за ведро, водкой – по 50-60 рублей за бутылку¹⁶⁹.

Разбавленный в различных пропорциях спирт стал вполне «ресторанным» напитком. Цена за разбавленный «под водку» спирт в столичных заведениях начиналась от 140 рублей за бутылку¹⁷⁰. При продаже алкогольных напитков нередко прибегали в маскировке. Так, согласно воспоминаниям Н. Окунева, в одном из московских заведений алкогольные напитки отпускались по специальным талонам, которые приобретались заранее. Цена за такой талон составляла 50 руб. Обмен талона на товар осуществлялся в специальном, самом дальнем помещении так называемого «ресторана», в который обладателей талонов приглашал персонал. Для того, чтоб получить желаемое, владельцам талон приходилось отстоять очередь. Получив свой стаканчик с алкогольным напитком, посетители возвращались к своим столикам и продолжали трапезу¹⁷¹.

Заведение, в котором ищет возможности употребления алкогольных напитков герой романа, не отличалось подобной изобретательностью, и представляло собой захлавленную комнату, которая выполняла сразу две функции: зала для посетителей и жилого пространства для владельцев. Держатель заведения – лицо южной национальности не самого опрятного вида, сообщает посетителям о постоянном росте цен на алкоголь. Подобное заявление вполне соответствует исторической действительности: согласно данным Н. Окунева, на момент упоминания в романе – 1919 г. - бутылка спирта стоила уже 5 000 руб., а к началу 1920 г. достигла 12 000 руб.¹⁷².

Таким образом, предпринимаемые властью меры не привели ни к каким результатам, кроме роста цен и появления различных суррогатов. Видя неэффективность проводимой политики, после окончания Гражданской

¹⁶⁹ Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака ... С. 378.

¹⁷⁰ Там же. С. 378-379.

¹⁷¹ Окунев Н. П. Дневник москвича... С. 204.

¹⁷² Там же. С. 188, 249.

войны большевики решили отказаться от своих антиалкогольных принципов. В августе 1921 г. согласно декрету СНК «О продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин» была разрешена торговля напитками, крепость которых не превышала 14 градусов¹⁷³, в декабре 1921 г. уровень дозволенной крепости вырос до 20 градусов¹⁷⁴, а к концу 1924 г. ценз разрешенных к продаже напитков достиг 30-ти градусной отметки¹⁷⁵. О введении в продажу алкогольных напитков крепостью до 14 градусов сообщает А. Б. Мариенгоф на страницах своего романа, однако в этом сообщении присутствует небольшое расхождение в датах: автор относит нововведение к 1922 г., хотя соответствующий декрет, первый абзац которого приводится в «Циниках», был принят годом ранее.

Говоря о теневых сторонах досуга советских граждан, нельзя не упомянуть проституцию. А. Б. Мариенгоф вводит продажную любовь в систему досуговых практик своих персонажей вместе с введением НЭПа, что полностью соответствует исторической действительности – возвращение товарно-денежных отношений способствовало возрождению сексуальной коммерции – по данным А. Ирвинга, проводившего опрос среди представительниц древнейшей профессии, 94,5% опрошенных пришли к своей деятельности после введения НЭПа¹⁷⁶. Наиболее популярными среди проституток местами работы в Москве были районы Хитрова рынка, Цветного переулка, Сандуновских и Центральных бань¹⁷⁷. Так же их вниманием пользовались пивные и бани в рабочих кварталах, гостиницы и рестораны — в центре города. Об обилии в увеселительных заведениях

¹⁷³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. ... С. 711-713

¹⁷⁴ Там же. С. 1108-1109.

¹⁷⁵ Орлов И. Б. Новая политика — новое веселие // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007. С. 241.; Такала И. Р. «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930-е годы) // Нормы и ценности повседневной жизни 1920-1930-е гг. : становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 268

¹⁷⁶ Ирвинг А. Возрастной и национальный состав проституток // Рабочий суд. 1925. № 5. С. 210.

¹⁷⁷ Панин С. Е. «Продажная любовь» в Советской России... С. 83.

женщин, занятых сексуальной коммерции, свидетельствует современник Н. Громов: «Публики очень много. Стиля у нее нет. Невероятно много дам. Нетрудно определить их социальное положение. Исключительно дамы легкого поведения»¹⁷⁸. О значительном количестве проституток в стенах ресторанах говорят персонажи исследуемого романа¹⁷⁹. Словами Владимира автор чрезвычайно в точности описывает организацию «рабочего процесса»: «Очаровательные вязальные спицы переговариваются взглядами с необычайно смешным господинчиком... Он показывает на пальцах сумму, которую дал бы за обеих. Они просят больше. Господинчик накидывает. Тоненькие женщины, закусив нежным, пухлым ртом папироски, пересаживаются к нему за столик»¹⁸⁰. Аналогичную схему представляют в своих исследованиях Н. Б. Лебина и А. Н. Чистиков¹⁸¹. Интересным представляется вопрос о социальном составе проституток: при описании женщин легкого поведения А. Б. Мариенгоф концентрирует внимание читателя на представительницы бывших буржуазных слоев¹⁸², что несколько искажает историческую реальность. По данным, полученным в ходе исследования А. С. Меликсетяна, среди женщин, занимающихся сексуальной коммерцией, представительницы буржуазии и близких к ней слоев составляют 38,8%, в то время как большинство дам легкого – 58,2% - поведения вышли из рабочей среды¹⁸³.

В 1922 г. в Уголовном кодексе РСФСР появились статьи, определявшие наказание за содержание притонов и принуждение к занятию проституцией, однако, несмотря на это, в эпоху НЭПа были люди, пытавшиеся возродить

¹⁷⁸ Громов Н. Перед рассветом. Путевые очерки современной Советской России. Берлин, 1927. С. 26.

¹⁷⁹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 94.

¹⁸⁰ Там же. С.95.

¹⁸¹ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 104-105.

¹⁸² Мариенгоф А. Б. Циники...С. 95-96.

¹⁸³ Меликсетян А. С. Проституция в 20-е годы... С. 72.

бордели. Отношение к воссозданию подобных заведений имеет и автор исследуемого романа: основной доход организованного им совместно с товарищами кафе-клуба поступал от сдачи «кабинетов», выполнявших функцию домов терпимости. После того, как темная правда открылась властям и кабинеты были ликвидированы, доходы заведения стали падать, что в результате привело к его закрытию¹⁸⁴.

В качестве клиентуры проституток в романе выступают представители состоятельных слоев нового общества – так называемая нэпманская буржуазия. Действительно, новые буржуа после гражданской войны первыми проявили интерес к жрицам любви, причина того – в более широких финансовых возможностях. Чаще всего нэпманы пользовались услугами содержанок и женщин, промышлявших в ресторанах и гостиницах, реже – услугами уличных женщин¹⁸⁵. Эти предпочтения состоятельных слоев нового общества отразил А. Б. Мариенгоф, отдав Ольгу на содержание Докучаеву.

В целом досуговые практики, отраженные на страницах исследуемого романа, соответствуют реалиям описываемой эпохи. Некоторые расхождения обуславливаются классовыми особенностями проведения досуга и несовершенством человеческой памяти, позволяющей оправдать незначительные нестыковки в датировке событий и их описания автором «Циников».

¹⁸⁴ Ивнев Р. Богема... С. 199-203, 206-207, 214. ; Он же. Жар прожитых лет... С. 327-329.

¹⁸⁵ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 110

Глава 2. Новые условия существования: быт советского человека в 1918-1924 гг.

2. 1. Жилищные условия

В перечне вопросов, которые пыталось решить советское руководство в рассматриваемый период, не последнее место занимала жилищная проблема. Все усилия большевиков в этой области были направлены на улучшение условий существования пролетарского населения. Уже 30 октября 1917 г. вышло постановление НКВД «О правах городского самоуправления в деле регулирования жилищного вопроса», которое фактически санкционирует жилищный передел¹⁸⁶. Согласно данному документу, городское самоуправление получало право секвестрования жилых помещений и размещения в них граждан. Пока дело касалось только пустующих квартир,

¹⁸⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг... С. 15.

которые могли использоваться для вселения нуждающихся¹⁸⁷, однако в дальнейшем власть расширила это право на весь жилищный фонд.

В середине декабря 1917 г. «в виду предстоящего обобществления городской земли» был принят декрет «О запрете сделок с недвижимостью», а 20 августа 1918 г. – декрет «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», согласно которому в городских поселениях с населением численностью свыше 10 000 человек отменялось право частной собственности на все строения и земельные участки¹⁸⁸. В результате принятия этих декретов, все вопросы, связанные с жилищем, переходили в ведение государства.

Переход к активной стадии жилищного передела был сделан осенью 1918 г. В 1918-1919 гг. основной мерой улучшения положения рабочих в сфере жилья стало так называемое «уплотнение» - вселение нуждающихся в квартиры буржуазии. Случаи сопротивления заставили власть задуматься об организации органов самоуправления в домах. Эта роль была возложена на созданные еще в дооктябрьский период домовые комитеты, которые преобразовывались в комитеты бедноты¹⁸⁹.

Борьба с буржуазным и излишним, ставшая символом военного коммунизма, проявлялась и в жилищной сфере. Согласно ленинскому определению, «богатой считается ... всякая квартира, в которой число комнат ровняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в этой квартире»¹⁹⁰. Эта трактовка стала определяющей в деле вселения нуждающихся лиц в буржуйские квартиры. «Буржуйам», к которым причислялись ученые, инженеры, врачи, писатели, разрешалось оставить по одной комнате на взрослого человека и одну общую на всех детей.

¹⁸⁷ Там же. С. 152.

¹⁸⁸ Там же. С. 833-836.

¹⁸⁹ Лебина Н. Б. Советская повседневность ... С. 90.; Кузнецова Т. О революционном жилищном переделе в Москве // История СССР. 1963. № 5. С. 43.; Шипилов М. А. Жилищный вопрос при капитализме и социализме. М., 1964. С. 73 – 74.

¹⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380.

Оставшаяся жилплощадь должна была быть отдана на нужды рабочего класса¹⁹¹.

В июле 1919 г. на общегосударственном уровне были закреплены более конкретные нормы жилого пространства на душу населения, согласно которым на каждого человека должно приходиться 8, 25 кв. м¹⁹². В течение рассматриваемого периода эти нормы дважды претерпевали изменения. Так, в июне 1923 г., согласно постановлению ВЦИК и СНК, установленный метраж был увеличен до 9,1 кв. м, а спустя год нормы были уменьшены до 8 кв. м¹⁹³.

Реальные нормы распределения жилого пространства отличались от утвержденных законодательно и напрямую зависели от численности городского населения. Так, в 1920 г., когда население Москвы не превышало миллиона человек, на каждого жителя приходилось 18,5 кв. аршин (или 9,4 кв. м) жилой площади, а в 1923 г., когда количество жителей превысило 1,5 миллиона, фактическая норма жилой площади упала до 11,7 кв. аршин (5,9 кв. м)¹⁹⁴.

Декрет СНК от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» позволял гражданам решить проблему уплотнения самостоятельно наиболее удобным для себя образом. На поиск приемлемых соседей, согласно декрету, отводилось две недели¹⁹⁵.

Желание хозяев уплотниться самостоятельно не раз сыграло на руку автору исследуемого романа. Так, одним из первых московских адресов А. Б. Мариенгофа стала Петровка, где он поселился в квартире инженера, пустившего писателя и его товарища из страха перед уплотнением и

¹⁹¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы... С. 23.

¹⁹² Жилищное право. Комментарная сводка узаконений. С. 44.

¹⁹³ Меерович М. Г. Наказание жилищем... С. 16-18.

¹⁹⁴ Кобозева А. В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия: дисс ... к. филос. н.. М., 2006. С.111.; Преображенский Н. Ф. Жилищный вопрос при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1928. С. 26.

¹⁹⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г.... С. 339-340.

опасения «за свою золоченую мебель с протертым плюшем, за массивные бронзовые канделябры и портреты предков»¹⁹⁶.

Омрачавшего существование домохозяев уплотнения можно было избежать. Для того, чтобы избавить себя от необходимости с кем-то делить жилое пространство, требовалась охранная грамота, процесс получения которой подробно изложен в автобиографическом романе Р. Ивнева «Богема»: «Две-три подписи известных лиц, два-три визита к занятым по горло благодушным и доверчивым общественным деятелям – и охранная грамота готова». По словам писателя, охранная грамота ограждала «рвами и крепостными стенами» от «жаждущих переехать из сырого подвала и не имеющих крыши над головой»¹⁹⁷. Лично ощутили чудодейственное свойство эти охранных бумаг Н. М. Мендельсон и один из соратников А. Б. Мариенгофа в деле имажинизма В. Г. Шершневич¹⁹⁸. Последнему этот документ не только позволил сохранить жилище, но и послужил в качестве пропуска на Лубянку, куда писатель отправился выручать товарища¹⁹⁹.

Несоответствие между нормами заселения и реальными размерами комнат, часто значительно превышающими допустимую квадратуру жилого пространства на человека, порождало стратегию покомнатно-посемейного заселения, впоследствии вылившуюся в феномен советских коммунальных квартир²⁰⁰.

В свете новой коммунистической идеологии аномальным считалось иметь две квартиры – в тяжелой ситуации Гражданской войны счастливые обладатели должны были пожертвовать «лишнюю» квартиру в пользу

¹⁹⁶ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья... С. 505-506.

¹⁹⁷ Ивнев Р. Богема... С.104.

¹⁹⁸ Мендельсон Н. М. Дневник московского интеллигента // Московский архив: истор.-краевед. альманах. 2006. Вып. 4. С. 397. ; Шершневич В. Г. Великолепный очевидец... С. 55

¹⁹⁹ Шершневич В.Г. Великолепный очевидец... С. 560.

²⁰⁰ Бронер Д. Л. Жилищный вопрос и статистика. М., 1966. С. 20-21.; Меерович М. Наказание жилищем... С. 16-17.

нуждающегося населения²⁰¹. С проблемой отторжения жилья столкнулись героини исследуемого романа – квартира, в которой проживал Владимир до заключения брака с Ольгой, упоминается – первый и последний раз – в ходе разговора героя с представительницей домового комитета, состоявшегося при его переезде в квартиру супруги.

Революционные изменения проявились не только в нормировании величины жилого пространства, но и во внутреннем убранстве комнат. Представление об устройстве буржуазных квартир позволяют составить дореволюционные справочники по домоведению. Так, «обыкновенная квартира» состояла из спальни, детской, столовой, кабинета, гостиной и прихожей, в некоторых квартирах стандартный набор комнат дополнялся ванной. Гостиная представляла собой «уютный, изящный уголок», непременным условием создания которого было наличие мягкой мебели, ковров и портьер. Желательным было иметь рояль, а излишки свободного пространства заполнять элементами декора, в качестве которых могли использоваться комнатные растения, тарелки, гравюры и картины – преимущественно с изображением красивых пейзажей. С меньшей помпой была обставлена спальня – составительница справочника предлагала хозяйкам ограничиться только необходимой мебелью, избегать ковров, портьер и прочих декоративных элементов²⁰².

Десять лет спустя после издания упоминаемого справочника гражданам пришлось ограничиваться в оформлении всего жилого пространства, служившего жильцам и для сна, и для приема гостей. Значительные изменения в обстановку квартир внесли условия военного коммунизма – продажа и обмен предметов интерьера стало основой существования их владельцев. О. Л. Керенская в своих мемуарах пишет о том, как таяла обстановка её петербургской квартиры: «Были проедены все портьеры, швейная машина, шуба А.Ф-ча, проедались одна за другой серебряные ложки

²⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380-381.

²⁰² Левенштейн Л. А. Домоведение: руководство для женских учебных заведений и самообучений. М., 1907. С. 42, 47, 49, 50.

и другие серебряные вещи»²⁰³. То, чему удалось уцелеть, отдавалось на милость комиссий по вселению, которая распределяло буржуазные излишки между вновь вселяемыми жильцами²⁰⁴. О том, где заканчивались нормы и начинались излишки, свидетельствует стандартный набор предметов обстановки, выдаваемый прибывшим в город рабочим: кровать, стол, ящик с замком, два стула. Из предметов быта каждому человеку полагались кружка, чашка, тарелка, ложка, вилка, нож, полотенце, подушка, одеяло и два комплекта постельного белья²⁰⁵.

Проблемы интерьерных норм нашли отражения на страницах исследуемого романа – с ними столкнулся герой при переезде в квартиру супруги: «Я и мои книги, вооруженные наркомпросовской охранной грамотой, переехали к Ольге. Что касается мебели, то она не переехала. Домовой комитет, облегчая мне борьбу с «буржуазными предрассудками», запретил забрать с собой кровать, письменный стол и стулья»²⁰⁶. В отличие от менее удачливого мужа, обстановка квартиры Ольги не пострадала. Такое везение не являлось чем-то из ряда вон выходящим - если имелись нужные знакомства, сохранение интерьера не требовало большого труда, а таких знакомств у героини было достаточно.

Еще одним нововведением большевиков в жилищной сфере стала организация домов-коммун - так называемых фаланстеров. Формы организации жилища, отдаленно напоминающие коммуны, сложились еще в дореволюционной Россия - ими были рабочие казармы. Воплощение идеи фаланстеров применительно к пролетариату означало бы переселение из одной казармы в другую, что было связано с риском для власти потерять

²⁰³ Керенская О. Л. Мертвые молчат... С. 114.

²⁰⁴ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии... С.92.; Меерович М. Г. Наказание жилищем... С. 16-17.

²⁰⁵ Обертрейс Ю. «Бывшее» и «излишнее» - изменения социальных норм в жилищной сфере в 1920-1930-е гг. (На материалах Ленинграда) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 89.

²⁰⁶ Мариенгоф А.Б. Циники...С.24.

опору в лице правящего класса. Поэтому от задумки переселения рабочих пришлось отказаться, но не от самой идеи создания фаланстеров.

Первыми ощутить на себе всю прелесть домов-коммун выпало на долю партийной верхушки. Так в Москве, Петрограде и других городах появляются так называемые Дома Советов, размещавшиеся в зданиях наиболее благоустроенных гостиниц. Устраивались они на манер общежитий: отдельные комнаты, общая столовая и кухня. Предназначались эти «общежития» для постоянного проживания советских служащих²⁰⁷. Администрация Домов Советов брала на себя ответственность за питание, бытовое обслуживание и организацию досуга своих жильцов²⁰⁸. В фаланстерах для партийной элиты не действовали общепринятые пространственные нормы. Так, вместо положенных 10 кв. м Г. Е. Зиновьев занимал 5 комнат в петроградской «Астории»²⁰⁹.

В Москве для размещения видных представителей партии были отданы гостиницы «Националь» и «Метрополь». В последней поселил своего героя – большевика Сергея – автор исследуемого романа. Там же проживал первое время после своего переезда в Москву - и «был преисполнен необычайной гордости»²¹⁰ - сам А. Б. Мариенгоф. Одним из постоянных жильцов «Метрополя», 2-го Дома Советов, был двоюродный брат писателя, согласившийся его на время приютить, и, возможно, ставший прототипом персонажа-большевика.

В 1923 г. власти отошли от идеи совместного проживания политической элиты - 12 сентября был принят декрет «Об освобождении 36 гостиниц города Москвы от постоянных жильцов». Принятие этого документа мотивировалось необходимостью возвращения гостиницам их привычной

²⁰⁷ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 165.

²⁰⁸ Лебина Н. Б. Советская повседневность... С. 71. ; Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 28.

²⁰⁹ Лебина Н. Б. Советская повседневность... С. 72.

²¹⁰ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья... С. 503.

функции – размещения временных постояльцев²¹¹. О том, насколько задержался в «Метрополе» мариенгофский персонаж, в романе умалчивается, известно лишь, что в 1924 г. Сергей был «вычищен» с занимаемого поста за неназываемые грехи и получил назначение в Берлинское торгпредство, следовательно, сроки его выезда из Дома Советов примерно совпадают со сроками реализации положений указанного декрета.

Введение НЭПа повлекло за собой возвращение к привычным формам распределения жилья. Была восстановлена частная собственность, разрешены сделки с недвижимостью, часть реквизированных домов и квартир возвращалась в руки владельцев²¹², в результате чего вновь появились квартирохозяева, у которых можно было снять или приобрести жилплощадь.

Эти изменения стали следствием принятия в 1921 г. ряда августовский декретов – «О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков», «О пересмотре коммунальными отделами списков муниципализированных домов», «О предоставлении собственникам немунципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества» и «Об управлении домами (положение)». Два последних нашли отражение в романе в виде прямого цитирования. Так, с некоторой погрешностью во времени – А. Б. Мариенгоф датирует упоминаемы декреты 1922 г. – автор напоминает читателю о том, что «Совет Народных Комиссаров постановил: разрешить возмездное отчуждение немунципализированных строений собственникам их... понимая под владением дом и примыкающие к нему жилые и служебные дворовые постройки»²¹³, а «выселение владельцев из

²¹¹ СУ РСФСР. 1923. №76. С.741.

²¹² Гурский В. Н. Основы жилищного законодательства (1917-1927). М., 1927. С. 9-11.

²¹³ Мариенгоф А. Б. Циники...С. 87. ; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г... С. 706.

занимаемых ими помещений может иметь место только по обстоятельствам военного времени»²¹⁴.

Изменение курса власти в области жилищной политики были обусловлены запустением, в которое пришли жилые помещения в годы военного коммунизма. Недействующая канализация, использование половых досок в качестве дров, переполненные мусорные баки и люки создавали ситуацию общей разрухи и антисанитарии²¹⁵, что нашло отражение на страницах романа. Так, неудавшийся самоубийца Владимир восклицает в адрес нечистоплотных жителей одного из московских домов: «Негодяи, проживающие здесь, выворачивали прямо в форточку ящик с пакостиной»²¹⁶.

Лишенные привычки к чистоте соседи – не единственная проблема, с которой пришлось мириться героям романа – избежав «испытания метрами» и «мебельного разоружения», им пришлось лицом к лицу столкнуться с перебоями в работе водопровода и системы отопления.

С подобными проблемами сталкивались не только советские граждане, но и иностранцы, посещавшие страну в рассматриваемый период. Так, в доме, где должна была размещаться школа Айседоры Дункан, приглашенной лично А. В. Луначарским, практически полностью отсутствовали водопроводные и отопительные трубы²¹⁷.

Проблема тепла в жилых помещениях была одной из центральных для жителей городов, что подтверждают дневниковые записи и воспоминания современников - на холод в квартирах неоднократно жаловались М. А. Булгаков, К. И. Чуковский, Н. П. Окунев, Р. Ивнев и сам автор исследуемого романа. В своей мемуарной прозе А. Б. Мариенгоф отмечает, что в комнате, где он проживал совместно с С. Есениным, зимой температура

²¹⁴ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 87. ; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г... С. 709.

²¹⁵ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 31. ; Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М., 2015. С. 260, 263.

²¹⁶ Мариенгоф А. Б. Циники...С. 49.

²¹⁷ Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. М., 1992. С. 258.

была ниже нуля, и поэты (в этом амплуа А. Б. Мариенгоф творил вплоть до написания «Романа без вранья», вышедшего за год до того, как были изданы «Циники») применяли различные ухищрения для отопления помещения или его отдельных частей - от использования электрической грелки, что было практически преступлением против революции, до приглашения знакомой поэтессы, которая приходила специально для того, чтобы согреть для поэтов постель своим телом²¹⁸.

С проблемой тепла в домах граждан власти боролись военно-коммунистическими методами – дрова выдавались по ордерам. Те, кому не удавалось их получить, решали проблему дефицита тепла самостоятельно. Характерной приметой рассматриваемого периода был самочинный разбор на топливо заброшенных домов. Сперва добыча дров осуществлялась в ночное время, позже разбор пустовавших жилых построек стал осуществляться и днем. На дрова пускалось все, от дверей и оконных рам до полов и балок перекрытий, в ход шли деревянные калитки, ворота, заборы, уличные фонарные столбы, барьеры набережных²¹⁹. По свидетельству Н. П. Окунева, изысканием дров были озабочены все: «Сначала что-нибудь отковырнут лишнее, плохо лежащее, а потом тащат и нужное»²²⁰.

Прямое отношение к «растаскиванию» деревянных построек имел и автор исследуемого романа. Так, в своей мемуарной прозе А. Б. Мариенгоф вспоминает, как вместе с С. Есениным разбирали забор «на самовар» - «если бы не помогли соседи», забора бы хватило «на всю революцию»²²¹. Проблема отопления и личный опыт борьбы с ней автора нашли отражение в романе – Марфуша, горничная Владимира и Ольги, добывала дрова аналогичным методом.

²¹⁸ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья... С. 533, 548.

²¹⁹ Преображенский Н. Ф. Жилищный вопрос при диктатуре пролетариата... С. 21.

²²⁰ Окунев Н. П. Дневник москвича... С. 186.

²²¹ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья... С. 537.

Перечисленные сложности в поддержании жилого фонда в достойном состоянии толкнули власть на частичное возвращение к дореволюционным формам владения недвижимостью. Предпринятые реформы имели экономическую цель - переложить на плечи собственников и арендаторов ответственность за ремонт и восстановление помещений²²².

До весны 1922 г. покупка и продажа недвижимости не была законодательно разрешена. В мае ВЦИК принял декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»²²³, согласно которому признавалась частная собственность на недвижимость и разрежались сделки с ней. Приобрести или арендовать жилье могли представители всех социальных слоев, без какой-либо классовой дискриминации. Однако пропролетарская направленность жилищной политики большевиков проявилось в иной форме – в начислении квартплаты. Восстановленное постановление Совнаркома от 20 апреля 1922 г. система оплаты жилого помещения предполагала скидки за пользование водой и электроэнергией для пролетариев, в то время как «нетрудовые элементы» платили по повышенному тарифу. Насколько эти проблемы коснулись героев романа судить трудно – А. Б. Мариенгоф деликатно обходит финансовые вопросы существования своих героев. Дальнейшие изменения в области жилищной политики также остались без внимания автора «Циников».

2. 2. Снабжение и самоснабжение населения

Приход к власти большевиков, движимых идеалами коммунизма, и Гражданская война, на фоне которой происходят действия первых глав романа, внесли свои коррективы в функционирование системы снабжения населения.

²²² Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 31. ; Руга А., Кокорев В. Повседневная жизнь Москвы... С. 28.

²²³ Известия ВЦИК. 1922. 18 июня.

Обеспечение населения необходимым минимумом в дискурсе большевиков становилось элементом политического принуждения. «Хлебная монополия, хлебная карточка... являются в руках пролетарского государства... самым могучим средством учета и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины»²²⁴ - отмечал В.И. Ленин в октябре 1917 г. Эти воззрения вождя революции получили практическое воплощение летом 1918 г. с введением так называемого «классового пайка».

Согласно решению Наркомпрода, все население советской республики делилось на 4 группы: 1 – рабочие, занятые тяжелым физическим трудом; 2 – занятые физическим трудом, который не признавался тяжелым; 3 – служащие и представители свободных профессий, а также члены их семей; 4 – владельцы предприятий, торговцы и прочие категории населения, использующие наемный труд²²⁵. Изначально – с 1 июля 1918 г. - классовый паек был введен в Петрограде, с 1 сентября 1918 г. эта система распределения стала практиковаться в Москве, позднее опыт столиц стал применяться в других городах Советской республики²²⁶. Для Москвы было характерно следующее соотношение отпуска продуктов для различных категорий населения – 4:3:2:1, при этом существовала очередность отоваривания продовольственных карточек: первыми получали положенную норму представители 1 и 2 категорий, представителям остальных групп продовольствие выдавалось «по мере возможности»²²⁷.

В рассматриваемом романе классовый паек упоминается вскользь, автор доносит до читателя лишь набор продуктов, получаемый населением четвертой категории – «1/10 фунта хлеба в день и один фунт картошки в

²²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 310.

²²⁵ История социалистической экономики СССР : В 7 т. / Отв. ред. И. А. Гладков. Т. 1 : Советская экономика в 1917-1920 гг. М., 1976. С. 276.

²²⁶ Известия ВЦИК. 1918. 22 авг.

²²⁷ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 295-306. ; Орлов И. Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 181.

неделю»²²⁸. Согласно постановлению Наркомпрода «О нормах обеспечения хлебными продуктами неземледельческого, а также не имеющего собственных запасов населения» от 19 октября 1918 г. были установлены следующие нормы ежемесячных выдач хлебных продуктов: граждане первой категории получали 36 фунтов зерна или муки, второй категории – 25, третьей-18, четвертой – 12 фунтов²²⁹. То есть, ежедневно на долю представителя четвертой категории приходилось примерно 4/10 фунта зерна или муки. Однако в воспоминаниях современников фигурируют другие цифры. Так, З.Н. Гиппиус в своих дневниках в качестве ежедневной нормы выдачи называет 1/8 фунта хлеба²³⁰, что свидетельствует о несовершенстве системы и существовании отличий между существующим на бумаге и работающим на практике. По данным, приводимым А.А. Ильяховым, уровень реального потребления в Москве в 1920 г. не поднимался выше 71,9% (минимум составил 35,5%) от установленных нормы, при этом исследователь отмечает, что данные весьма приблизительны, и реальное положение вещей могло представлять собой еще более плачевную картину²³¹. В свете представленных данных названные А.Б. Мариенгофом цифры могли иметь под собой вполне реальные основания.

В апреле 1920 г. установленный порядок распределения претерпел некоторые изменения. Так, согласно декрету СНК «О введении трудового продовольственного пайка» для большего единообразия в деле распределения количество категорий трудящихся граждан сокращалось до трех: 1 – работники физического труда; 2 – лица, занятые умственным трудом и конторские служащие; 3 – лица, занятые в частных предприятиях, не

²²⁸ Мариенгоф А. Б. Циники.... С. 28.

²²⁹ Известия ВЦИК. 1918. 22 окт.

²³⁰ Гиппиус З. Н. Петербургский дневник... С. 37.

²³¹ Ильяхов А. А. Жизнь в эпоху перемен... С. 32.

эксплуатирующие чужого труда. Соотношение между нормами пайка для лиц первой и второй категории составляло 4:3²³².

Введения классового распределения продуктов первой необходимости сопровождалось ограничением свободной торговли. 21 ноября 1918 г. был принят декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», согласно которому заготовка товаров широкого потребления возлагалась на Наркомпрод, а снабжение населения должно было осуществляться через сеть подконтрольных ему распределительных пунктов, роль которых выполняли советские и кооперативные лавки. Для получения распределяемых продуктов, каждый гражданин должен был «приписаться» к какой-либо определенной лавке, входящей в сеть²³³. Согласно 10 пункту декрета, вводилась государственная монополия на некоторые продукты, список которых конкретизировался постановлением ВСНХ и Наркомпрода от 26 ноября 1918 г. В соответствии с постановлением, объявлялась государственная монополия на продажу сахара, чая, кондитерских и табачных изделий, спичек, керосина и ряда других товаров повседневного пользования²³⁴.

Несмотря на усилия власти, частная торговля продолжала существовать, а нелегальный рынок, наполнение которого происходило за счет деятельности мешочников, играл значительную роль в жизни населения. Сведения о мешочниках в романе сводятся к незначительным упоминаниям, однако существования этих разъезжих предпринимателей имело большое значение в деле обеспечения населения необходимым продовольствием. Так, по данным ЦСУ, из 125,9 млн. пуд. хлеба, полученных 26 губерниями в 1918-1919 гг., 70,2 млн. пуд. было доставлено мешочниками²³⁵, а из общего

²³² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г... С. 237-238.

²³³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг... С. 1170-1174.

²³⁴ Там же. С. 178-179.

²³⁵ Бюллетень ЦСУ. 1920. № 19–20. С. 5.

объема хлеба, потребляемого жителями городов потребляющих губерний, около 60% было приобретено на «вольном» рынке²³⁶.

В первые послереволюционные годы в качестве мешочников успело побывать почти все население Советской России. Испытывающие дефицит продовольствия горожане в свободные от работы дни брали деньги и вещи, представляющие интерес для деревенских жителей, и ехали в ближайшие поселения с целью обмена на необходимые продукты. Подобные вояжи совершал ближайший товарищ автора исследуемого романа С. Есенин – в мемуарной прозе А. Б. Мариенгофа неоднократно упоминается о мешках с продовольствием, которые возвращались вместе с поэтом после его разъездов по стране²³⁷.

Согласно положению «О заградительных реквизиционных отрядах, действующих на железнодорожных и водных путях» действовали следующие нормы провоза продовольственного багажа: пассажир имел право на провоз не более 30 фунтов продовольствия, в том числе до 3 фунтов масла и не более 5- мяса. Муку и зерно перевозить не разрешалось²³⁸. Полученных продуктов хватало ненадолго, и в скором времени возникала необходимость в новой экспедиции в деревню. По мере увеличения пропасти между рыночными ценами и заработной платой, продуктовым вояжерам приходилось продавать часть привезенной продукции на рынке, там же закупая необходимые крестьянам вещи²³⁹. Так мешочник - потребитель обретал роль спекулянта. Наиболее удачливые, почувствовав вкус прибыли, увеличивали объемы доставляемой продукции, превращаясь в незаконных предпринимателей. К их числу относится персонаж А.Б. Мариенгофа Докучаев – именно посредством мешочничества герою удалось сколотить капитал, позволивший

²³⁶ История социалистической экономики... С. 282.

²³⁷ Мариенгоф А. Б. Роман без вранья... С. 592.

²³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг... С. 772-773.

²³⁹ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение ... С. 107.

ему развить бурную деятельность в период НЭПа и обеспечить себе безбедное существование.

Весной 1918 г. наметилась тенденция на увеличение коммерчески настроенных лиц среди мешочников – по данным, приводимым А.Ю. Давыдовым, из 1000 задержанных в Москве только 130 человек везли муку для удовлетворения потребностей своей семьи, остальные - для продажи²⁴⁰.

Рыночные цены на товары в 8-10 раз превышали государственные, в результате в перечне трат населения первое место занимало приобретение продовольствия на рынке²⁴¹.

Признавая тот факт, что государство обеспечивало потребности населения лишь наполовину, а остальная часть добиралось за счет существования рыночной торговли, В.И. Ленин писал: ««При этом за первую половину рабочий платит одну десятую всех своих расходов на продовольствие, а за вторую — девять десятых... Спекулянты неслыханно грабят его»²⁴².

Неотъемлемым элементом повседневной жизни героев исследуемого романа является дымящая папироса, вследствие чего отдельного внимания требует вопрос снабжения населения табачными изделиями. С началом Гражданской войны табачная промышленность оказалась в крайне тяжелых условиях – значительная часть производства оказалась на территории противника, в результате выработка табака в 1919 г. составила 37,6 % от уровня 1914 г., махорки – 28,6 %²⁴³, что отразилось на удовлетворении потребностей населения. Так, в 1918 г. населения получило лишь 72% от требуемого объема махорки, 33% - папирос, 22% - табака²⁴⁴. В первую очередь государство стремилось обеспечить потребности Красной армии,

²⁴⁰ Там же. С. 109.

²⁴¹ История социалистической экономики ... С. 283.

²⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 168.

²⁴³ Твердюкова Е.Д. «Мерси» за махорку... С. 540.

²⁴⁴ Там же.

остальное население снабжалось табачной продукцией по остаточному принципу посредством отоваривания табачных карточек. Нормы выдачи варьировались в зависимости от текущей ситуации. Так, в июне 1918 г. на каждого курильщика выдавалось по 550 папирос, в июле-августе норма достигла 900, а в феврале 1919 г. составила лишь 100 папирос²⁴⁵. Распределением карточек занимались домоуполномоченные, зачастую прибегая к лотерее, что создавало возможность утечки табака на «вольный» рынок, где их продавали по «бешеным» ценам, или использовали в качестве средства обмена на иные товары. Таким образом, курящее население при наличии средств могло себе позволить приобрести необходимый минимум табачной продукции, а вредная привычка героев романа могла беспрепятственно продолжать свое существование.

По мере нарастания продовольственного кризиса, проблема снабжения населения требовала от государства новых решений, чем стала введенная летом 1919 г. в целях экономии продуктов система общественного питания. Ассортимент и качество предлагаемых блюд оставлял желать лучшего. Так, согласно приводимым современниками событий характеристикам, «это были грязные, пропахшие дымом и борщом помещения, в которых всякий гражданин вынужден был хлебать суп из воблы прямо из жестяной тарелки, потому что не всегда оказывалась даже свободной ложки, часто на ложку была очередь по 5-6 человек»²⁴⁶. Схожую картину антисанитарии и скудности предлагаемого питания рисует А. Б. Мариенгоф: полученный персонажами суп представлял собой «смешалище из жидкой смоленской глины и жирного пензенского чернозема», а от ложек коричневет кружево платка, которым протирает столовые приборы главная героиня²⁴⁷.

В целом рацион городских обывателей был далек от удовлетворительных оценок. В начале 1919 г. московские жители потребляли

²⁴⁵ Твердюкова Е. Д. «Мерси» за махорку ... С. 541.

²⁴⁶ Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт... С. 80-81.

²⁴⁷ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 37-38.

не более 2066 калорий, при том, что необходимый минимум составлял 3000-3500 калорий на человека²⁴⁸.

По данным ЦСУ, основой рациона населения был хлеб, на втором месте стоял картофель – от его потребления населения получало от 9,7 % до 19,6 % получаемых калорий, третье место принадлежало сезонным продуктам, в число которых входили овощи, молочные продукты, реже – мясные или морепродукты²⁴⁹. Наиболее потребляемым видом мяса в столице была конина – она составляет более половины всего съеденного мяса за 1918-1919 гг.²⁵⁰ Свидетельства о распространении в пищевых практиках населения указанных продуктов не самым приятным образом вписал в свой роман А.Б. Мариенгоф – остатки именно этих продуктов – «картофельная шелуха, вываренные лошадиные ребра и селедочные хвосты»²⁵¹ - переполняющие мусорные ящики, стали декорацией несостоявшегося самоубийства Владимира.

Незначительное количество выдаваемых продуктов дополнялось их сомнительным качеством. Особенно возмущение мемуаристов вызывало качество получаемого хлеба. Так, З. Н. Гиппиус отмечает, что выдаваемых хлеб представлял собой некий суррогатный продукт с примесью соломы²⁵², а в дневнике К. И. Чуковского зафиксирован случай получения писателем зацветшего хлеба²⁵³. Не лестным образом обозначено качество получаемого хлеба и в исследуемом романе - «сухой темный ломтик», пахнущий «конюшной и плесенью Петропавловских подземелий»²⁵⁴. Низкое качество хлеба, вызывавшее недовольство современников и нашедшее отражение в

²⁴⁸ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 377.

²⁴⁹ Состояние питания городского населения СССР. 1919-1924 гг. С. 18, 53.

²⁵⁰ Ильюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен... С. 36.

²⁵¹ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 48.

²⁵² Гиппиус З. Н. Петербургский дневник... С. 83.

²⁵³ Чуковский К. И. Дневник (1901 – 1929). М., 1997. С. 181.

²⁵⁴ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 36.

«Циниках» - в 1918 г. в потребляемом жителями Москвы хлебе содержалось от 12 % до 25 % различных примесей²⁵⁵, что значительно ухудшало качество продукта.

В сложных условиях продовольственного кризиса население не утратило способности смеяться над трудностями, о чем свидетельствуют воспоминания супруги автора «Циников» А. Б. Никритиной, в которых приводились шутки о том, что актеры готовы идти на любые жертвы ради соленой воблы²⁵⁶, ставшей в условиях дефицита продуктов одним из основных продуктов в рационе населения столиц²⁵⁷.

В декабре 1920 г. СНК принял декрет «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов»²⁵⁸, однако принятые меры не решали проблему голода. Некоторые улучшения последовали в мае 1921 г., когда был принят декрет СНК «Об обмене», разрешивший торговлю излишками продовольственных продуктов на рынках и в закрытых помещениях²⁵⁹, а в конце июля 1921 г. появилась инструкция СНК, разрешающая открывать такие помещения²⁶⁰.

С появлением альтернативных методов получения продуктов питания, население прекратило активное пользование общественными столовыми, в результате чего их количество стало резко сокращаться. В конце октября 1921 г. Наркомпрод дал разрешение на открытие частных кафе, ресторанов столовых и чайных. В большинстве заведений старались сохранить старые, дореволюционные ресторанные традиции, однако наряду с заведениями ресторанного типа появилось множество достаточно демократичных мест, в

²⁵⁵ Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. XIII.

²⁵⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 648. Оп.1. Д.8. Л.4.

²⁵⁷ Беляев С. Заметки советского врача. Л., 1926. С.29. ; Гиппиус З. Н. Петербургский дневник... С. 82. ; Голицын С. М. Записи уцелевшего... С. 122.

²⁵⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г... С. 715.

²⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.... С. 338-339.

²⁶⁰ Там же. С. 641-643.

которых городской житель мог выпить и перекусить - многочисленные пивные и чайные²⁶¹.

С восстановлением товарно-денежных отношений и появлением альтернатив курс на улучшение условий питания и предлагаемого ассортимента взяли государственные столовые. Так характеризуют грянувшие изменения упоминаемые ранее современники: «Теперьешние столовые, где продают по 30-40 коп. обед, где отсутствует очередь, где соблюдаются чистота и опрятность, разве не являются очагами нового быта?»²⁶².

По мере восстановления торговли налаживалось питание населения. В 1922г. граждане уже имели возможность выбора между рынком, кооперативным и государственным магазином. Новая экономическая политика дала толчок для развития кооперативной торговли, которая заняла немаловажное место в жизни городских обывателей. Для горожан не было принципиального значения, где отовариваться, главным фактором, влияющим на выбор того или иного продавца выступало качество предлагаемых товаров²⁶³. Таким образом, городской обыватель не видел особой разницы между частным, государственным или кооперативным магазином. Последние часто размещались в тех местах, где до революции размещались частные магазины, из-за чего нередко новые торговые точки в среде горожан продолжали именоваться старыми, дореволюционными именами²⁶⁴.

А.Б. Мариенгоф отправляет своего центрального персонажа Владимира за покупками в один из самых знаменитых московских магазинов – «Елисеевский». После свершения революции магазину пришлось сменить название на менее буржуазное – «Гастроном №1», однако горожане, проигнорировав это переименование, продолжали называть магазин старым

²⁶¹ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы... С. 77.

²⁶² Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт... С. 81.

²⁶³ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы... С. 72.

²⁶⁴ Там же. С. 73.

именем²⁶⁵. В годы Гражданской войны бывший магазин купцов Елисеевых продолжил свою работу, ориентируясь на «особого» покупателя – клиентуру составляли представители партийной верхушки и их ближайшие родственники²⁶⁶, а ассортимент включал в себя различные продукты, которые в рассматриваемый период считались если не деликатесами, то большой редкостью²⁶⁷.

С введением НЭПа происходят изменения в продовольственной ситуации по линии столицы - провинция – если в годы военного коммунизма относительная сытость провинции противопоставлялась бедственному положению в столицах, то в начале 1920-х положение оказалось прямо противоположным²⁶⁸. Это тенденция нашла отражения в романе – выдержки из информационных сводок, разрывающие повествования о жизни героев романа, от иллюстрации проблем с продовольствием в столицах в 1918-1919 г. переходят к сообщениям о бедственном положении в провинции в 1922 г. .

2. 3. Жизнь в пространстве советского города: улицы, торговля, транспорт

Изменения, порожденные революцией, не могли не затронуть городское пространство, что нашло отражение в исследуемом романе. Первое, на что обращает внимание читателя А.Б. Мариенгоф – исчезновение вывесок на бывших торговых улицах, и это совершенно справедливое замечание. В дореволюционной Москве фасады зданий изобиловали многочисленными рекламными щитами и табличками с названиями магазинов. После смены власти старые вывески, «писанные золотом по черному стеклу», исчезли, их

²⁶⁵ Пятнов П. В. Этот знаменитый Елисеевский на Тверской // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 2. С. 117.

²⁶⁶ Рубинов А. История трех московских магазинов. М., 2007. С. 53.; Пятнов П. В. Указ.соч. С. 117.

²⁶⁷ Рубинов А. Указ.соч. С. 54.

²⁶⁸ Курцев Л. Н. Повседневная жизнь провинциального города в годы Гражданской войны (по материалам Ярославской и Костромской губернии): автореф. ... к. и. н. Ярославль, 2006. С. 11.

место заняли иные – изображенные «белым по красному», что нашло отражение в воспоминаниях современников: «Сверкающие свежей краской, ликующие, смеющиеся в лучах мартовского солнца. Всюду, куда не глянешь, - ... «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Галантерейный склад №8 Московского Совета»... «Хлебное отделение», «Центр печати»²⁶⁹.

Наряду с «покраснением» улиц от новых вывесок, произошло их «потемнение» - в годы Гражданской войны на московских улицах по причине отсутствия топлива практически не действовали газовые фонари, а керосиновые совсем вышли из употребления. Подача электричества из соображений экономии прекращалась в 23 часа. С переходом к НЭПу кардинальных изменений не произошло: большинство улиц столицы продолжали пребывать во тьме. В 1921 г. в летнее время фонари вообще не зажигались, также освещение не использовалось в лунные ночи. В остальное время улицы осуществлялись согласно специальному календарю, подача электричества прекращалась не позднее 24 часов²⁷⁰. Такое положение дел нашло отражение в романе – в 1919 г. отмечается прекращение освещения города газом, а темнота становится неизменным спутником вечерних прогулок героев.

Несмотря на усилия власти, направленных на искоренение частной инициативы в сфере реализации товаров, торговля оставалась неизменным атрибутом городской жизни. Современник описываемых событий Б.С. Маркус дает следующее представление о торговцах первых послереволюционных лет: «Здесь, среди торгового люда, можно было встретить много так называемых «бывших», не успевших или не захотевших уехать за границу. Создавалось впечатление, что они, или какая-то их часть, потеряв свои состояния, большие или малые, нигде, очевидно, не работая, превратились в полу-нищих, промышлявших продажей сохранившегося еще

²⁶⁹ Ривош Я. Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России нач. XX в. М., 1990. С. 32.

²⁷⁰ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы... С. 24-28.

у них имущества»²⁷¹. Аналогичные сведения о социальном составе торговцев дает читателю А.Б. Мариенгоф – в романе знаменитая московская Сухаревка представляется местом сосредоточения «бывших». Среди торговцев автор изображает старушку «в чиновничьей фуражке», музыкантов и генералов, лиц духовного сана – именно у священника Ольга с Владимиром покупают пуховые носки отправляющемуся на фронта Гражданской войны Сергею.

Среди реализуемых бывшими угнетателями рабочих и крестьян товаров были преимущественно предметы интерьера и личные вещи, в то время как насыщением рынка более ходовыми в условиях голода продовольственными товарами занимались так называемые «мешочники». Характеризуя социальный состав этой категории населения, А. Ю. Давыдов отмечает, что среди лиц, занимающихся нелегальным снабжением, вопреки большевистской пропаганде, были преимущественно рабочие и крестьяне. Неприспособленные к физической перегрузки бывшая буржуазия и интеллигенция занималась исключительно потребительским мешочничеством²⁷².

Помимо мешочничества, существовали иные пути получения продуктов для реализации. Так, нередким было обращение к маскировке отправляемых товаров под государственный или кооперативный груз, осуществляемой посредством дачи взятки. Также распространенным средством вывода товаров на «вольный» рынок становилось хищение и сокрытие у государства: владельцы опечатанных складов и лавок устраивали у самих себя кражи со взломом, и, запротоколировав их, отправляли товары на продажу. К хищению нередко прибегали хранители государственных складов, объясняя недостачу «пропажей в пути»²⁷³.

²⁷¹ Маркус Б. С. Московские картинки... URL: http://royallib.com/read/markus_boris/moskovskie_kartinki_1920_h_1930_h_gg.html#0 (дата обращения: 11 марта 2017 г.).

²⁷² Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения ... С. 112-114.

²⁷³ Прокопович С. Н. Очерки хозяйства советской России. Берлин, 1923. С. 140.; Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт (Из сборника «Экономический вестник». Берлин, 1923) // Нэп. Взгляд со стороны: сб. / Сост. В. В. Кудрявцев. М., 1991. С. 142.

С введением НЭПа позиции государства в отношении частной торговли изменились, и поставщики могли вернуться к более традиционным и менее экстремальным способам наполнения рынка. Началом раскрепощения торговли стал декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки», согласно которому землевладельцы получали право распоряжения оставшимися после уплаты налога «излишками» с возможностью обмена на необходимые продукты промышленности, который мог осуществляться «как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах»²⁷⁴. 9 мая 1921 г. была образована Комиссия по внутренней торговле²⁷⁵, которая фактически занималась регулированием рынка. Первоначально поворот власти к частной торговле воспринимался населением с недоверием – горький опыт военного коммунизма заставлял торговцев быть осторожными, лица, имеющие скрытые запасы товаров, не спешили выходить на рынок. Исключение составляли приученные к постоянному риску мешочники, первыми перешедшие на легальное положение²⁷⁶.

Согласно декрету от 19 июля 1921 г., заниматься торговлей мог каждый гражданин Советской республики, достигший 16 лет. Для осуществления законной торговой деятельности нужно было лишь получить патент и соблюдать установленные правила, в частности, не сбывать товар, произведенный из сырья, полученного от государства на особых условиях²⁷⁷.

«Освобождение» торговли возымело должный эффект – этот вид деятельности стал очень популярен в городской среде. Расцвет торговли нашел отражение в сатире: «Чем торгует Москва? Все, всем, всем. Торгует «десятками», валютой, брильянтами, ордерами на получение товара,

²⁷⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г... С. 245-246.

²⁷⁵ Законы о торговле: сб. декретов и др. постановлений о внутр. и внеш. торговле. Т.1. М., 1922. С. 6.

²⁷⁶ Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт... С. 145.

²⁷⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. С. 641-643.

«протекциями», рекомендациями и т.д. Лозунг Москвы: «Не торгующий, да не ест!»²⁷⁸.

Об активном развитии частной торговли в Москве свидетельствуют следующие данные – на 1 января 1923 г. в городе имелось 27 753 торговых пункта, из них 26 833, преимущественно мелких, принадлежали частным лицам²⁷⁹. Большой удельный вес частный капитал имел в торговле пищевыми продуктами и товарами широкого потребления, так как эти области отличались наибольшим товарооборотом и, в случае изменении курса власти, от этих товаров было проще всего избавиться без особого вреда для кошелька²⁸⁰.

Одной из главных торговых площадок Москвы оставался Сухаревский рынок²⁸¹, сведениями об изобилии которого пестрила пресса: «Пройдите по продуктовым рядам. Молочные продукты: снежно-белая сметана, янтарный сыр, масло неувимых оттенков белизны и желтизны. Знали ли вы, что яйца, собранные в таком большом количестве, могут создать симфонию оттенков и размеров? И свежее парное мясо меняет цвет рубина на гранат, а жир его светится каплями жемчуга. А груды овощей? Зелень лука и пурпур редиски, сотни оттенков зелени — какой художник нарочно подбирал эти тона? Вы видели зарезанную курицу? Но разве вы знали, что сотни их, сложенные вместе на прилавке, создают фантастическое геометрическое тело, дышащее живой теплотой?»²⁸². Аналогичную картину рисует перед читателем А.Б. Мариенгоф: «На прилавках изобилие:... Поджаренные глухари пушатся бумажными шейками. Рябчики выпятили белые грудки и скорчили

²⁷⁸ Мухомор. 1922. № 1. С. 2.

²⁷⁹ Горинов М. М. Москва в 20-х годах // Отечественная история. 1996. № 5. С. 6.

²⁸⁰ Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт... С. 147.

²⁸¹ Габриелович Е. Нет Сухаревки! Из книги «Москва 1935». URL: <http://mosinfor.ru/moscow35/gabrilovich.htm> (дата обращения: 9 марта 2017 г.); Маркус Б.С. Московские картинки... URL: http://royallib.com/read/markus_boris/moskovskie_kartinki_1920_h__1930_h_gg.html#0 (дата обращения: 11 марта 2017 г.); Петров Н. И. Маршруты моей жизни: воспоминания. СПб., 2003. С. 24.

²⁸² Цит. по Андреевский Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы. М., 2008. С. 22.

тонюсенькие лапки. Безнравственные индейки лежат животом кверху... Стерляди с хитрыми острыми носами свернулись кольчиком... Под стеклянными колпаками потеют швейцарские сыры в серебрянных шинелях...»²⁸³. Пышность и роскошь ассортимента одних прилавков соседствовали с откровенной антисанитарией других. Только в 1928 г. Моссоветом была запрещена торговля вблизи писсуаров, общественных туалетов и мусорных баков. До этого подобное соседство было обычным явлением.

Погоня за прибылью в период восстановления товарно-денежных отношений способствовала появлению на прилавках недоброкачественных товаров, что неоднократно становилось предметом внимания сатирических изданий. Так, в 1922 г. в январском номере журнала «Красный смех» был размещен цикл зарисовок следующего содержания:

- Послушайте, какую вы нам вчера рыбу продали? Мы от нее заболели.

- Не может быть, что бы с моей рыбы заболели: третьего дня я вам еще хуже рыбу продал, да вы и то совершенно здоровы остались²⁸⁴.

С возрождением торговли произошло возвращение к старым рекламным традициям – красно-белые вывески уступили место более ярким, привлекающим внимание горожан. С каждым днем увеличивался размер рекламных щитов, расширялась палитра используемых цветов, изменялся размер и стиль используемых шрифтов. Описывая Москву начала 1920-х гг., Б. С. Маркус отмечал большое количество маленьких одноэтажных лавчонок с огромными вывесками²⁸⁵, а К. И. Чуковский единственной выгодной считал деятельность живописцев вывесок – «их то и дело зовут замазать одну вывеску, написать другую, которую придется через недели две снова замазать»²⁸⁶. Возвращение вывесок на московские улицы отмечается в

²⁸³ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 117-118.

²⁸⁴ Красный смех. 1922. № 2. С.7.

²⁸⁵ Маркус Б. С. Московские картинки... URL: http://royallib.com/read/markus_boris/moskovskie_kartinki_1920_h__1930_h_gg.html#0 (дата обращения: 13 марта).

²⁸⁶ Чуковский К. И. Дневник ... С. 256.

исследуемом романе – А. Б. Мариенгоф неоднократно дословно приводит объявления тех или иных организаций, в числе которых знаменитый Моссельпром, предлагающий покупателям «какао и шоколад Нестле, Коллер, Гала Петер, Капе и др. заграничные продукты высших марок»²⁸⁷.

Еще одним явлением повседневной жизни советского города, нашедшим отражение на страницах «Циников», стал общественный транспорт. В рассматриваемый период на дорогах соседствовали трамвай и гужевой транспорт, являясь причиной взаимных неудобств и объектом конкуренции – извозчики нередко занимали трамвайные пути, а трамваи «отбивали» у них клиентуру²⁸⁸. По данным А. В. Кобозевой, в схватке трамвай-извозчик побеждал трамвай – именно этим видом транспорта пользовалось большинство горожан²⁸⁹, однако герои романа отдают предпочтение услугам извозчиков. Трамвай в романе упоминается лишь один раз в весьма интересных обстоятельствах – Ольга предлагает Владимиру отправиться на Сухаревку при помощи этого вида транспорта, так как «сегодня его последний день»²⁹⁰. Действительно, в Москве приостанавливалось трамвайное сообщение, однако случилось это годом позже, чем изображается в «Циниках». Реплика Ольги относится к зиме 1919 г., в то время как пассажирское движение было прекращено 17 сентября 1920 г., спустя два дня после введения «трамвайного коммунизма» - права бесплатного проезда для рабочих и служащих²⁹¹. Регулярные пассажирские перевозки были возобновлены в середине мая 1921 г., проезд был бесплатным, однако пользоваться общественным транспортом могли только служащие, получившие через профсоюзные организации специальные

²⁸⁷ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 118-119.

²⁸⁸ Кобозева А. В. Культурно-антропологический анализ... С. 69.

²⁸⁹ Там же. С. 73.

²⁹⁰ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 71.

²⁹¹ Тархов С. А. История московского трамвая. М., 1999. С. 184.

удостоверения²⁹². С 15 августа 1921 г. был введен платный проезд с 10 до 16 часов. В часы пик трамваи были заполнены льготниками – служащими, имеющими годовой льготный билет. На предприятии к этим билетам ежемесячно выдавали талоны, которые «льготники» предъявляли кондуктору вместе с билетом, взамен чего получали «специальный» билет, дающий право на проезд. С 25 октября «платным» пассажирам было разрешено пользоваться общественным транспортом в часы пик, но при посадке в вагон преимущественно пользовались владельцы льготных билетов²⁹³.

А. Б. Мариенгоф детально описывает путешествие своих героев на трамвае: «В течение получаса нам довелось переиспытать многое: мы висим на подножке, рискуя оставить пальцы примерзшими к железу; нас, словно марлевые сетки, пронизывает ледяной ветер на задней площадке; нас мнут, комкают, расплющивают внутри вагона, и только под конец удается поблагодарить на перинных коленях сухаревской торговли селедками»²⁹⁴. Проезд «на подножке» широко практиковался московскими обывателями, однако, помимо возможности сэкономить, такой способ передвижения создавал риск получения травмы, вследствие чего был запрещен и наказывался штрафом²⁹⁵. Несмотря на риск для здоровья и грозящие штрафы, правила пользования общественным транспортом, запрещающие посадку и высадку на ходу, безбилетный проезд и проезд на подножке транспорта, повсеместно нарушались. Среди нарушителей оказались герои романа, путешествующие на подножке трамвая. Нередки были случаи, когда при обнаружении правонарушения, пассажиры становились на сторону нарушителя, вступая в коллективную полемику с

²⁹² Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы... С. 290.

²⁹³ Там же. С. 291.

²⁹⁴ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 71.

²⁹⁵ Кобозева А. В. Культурно-антропологический анализ... С. 70.

кондуктором²⁹⁶, однако героям романа не пришлось ощутить на себе солидарность соседей по транспорту – их проступок остался незамеченным.

Заключение

Роман А. Б. Мариенгофа «Циники» написан в стиле псевдодокументальной хроники, ведущейся от имени главного героя Владимира – историка, представителя «старой» интеллигенции. Повествование фрагментарно, рассказы о жизни и быте главных героев разрываются вставками из газетных публикаций и цитатами из официальных документов, выборка которых крайне избирательна, что не дает возможность составить целостного представления о повседневной жизни советских граждан в рассматриваемый период. Несмотря на эти композиционные

²⁹⁶ Там же. С. 72.

особенности, текст романа позволяет проследить динамику изменений, коснувшихся некоторых аспектов повседневной жизни представителей «старых» классов в «новом» обществе.

Лейтмотивом романа является тема приспособления героев к жизни в новых реалиях. Стратегии выживания, описанные в романе, в полной мере отражают особенности адаптации представителей нетитульных классов в новом обществе. Так, продажа личных вещей и обращение к услугам пригодившихся при новой власти доброжелателей составляли основу существования значительной части буржуазии и лиц, к ней причисляемых.

В вопросах взаимного восприятия народа и власти роман выступает в качестве изображения общества в миниатюре. Герои «Циников» придерживаются различных взглядов и мнений в отношении большевиков – от прямого участия в политической жизни в образе Сергея до отрицания нового режима и стремления остаться в зоне действия старых привычек и закономерностей в лице Владимира, что является иллюстрацией плюрализма мнений в обществе в первые годы советской власти. В своем романе автор избегает прямого обращения к вопросам взаимоотношений по линии народ-власть, вплетая тонкости взаимовосприятия в изображение образов главных героев. Так, в образе Владимира нашли воплощение основные пропагандистские штампы новой власти в отношении «старой» интеллигенции. Не лишен налета большевистской пропаганды образ Докучаева – герой нечестен в своей предпринимательской деятельности, ведет недостойный советского человека образ жизни, руководствуясь лишь низменными побуждениями. В качестве способа взаимодействия нового буржуа с властью А. Б. Мариенгоф изображает взятку, сделав своего персонажа автором целой философской концепции бытования коррупции в обществе, основная идея которой сводится к фразе «Все берут! Вопрос только — чем»²⁹⁷. Такая оценка коррумпированности советской системы первых послеоктябрьских лет вполне соответствовала действительности, что

²⁹⁷ Мариенгоф А. Б. Циники... С. 102.

нашло подтверждение в свидетельствах современников и работах исследователей.

Своеобразное отражение в романе нашли изменения в морально-нравственной сфере. Отрицание «буржуазных предрассудков», в числе которых оказалась традиционная форма брачно-семейных отношений, способствовало возникновению различных взглядов и мнений относительно взаимоотношения полов, порой весьма экзотичных. Брак центральных персонажей романа представляет собой собирательный образ воззрений, бытовавших в обществе. Так, герои романа воспринимают свои отношения как необременительный союз, лишенный всяких обязательств, охотно отказываясь от буржуазных пережитков – моногамии и ревности. Рассуждая об изменах, Владимир обращается к проведению аналогий между женщиной и любимой кружкой, что произвольно отсылает читателя к знаменитой теории «стакана воды», принадлежащей А. М. Коллонтай.

Изображение досуга в романе А. Б. Мариенгофа отражает динамику изменения досуговых практик населения от военного коммунизма к НЭПу – аскетичность в способах проведения свободного времени сменяется разнообразием, чтение и долгие беседы, занимающие героев в первых главах, уступают место визитам в развлекательные заведения. В целом описание досуга героев имеет классовую ориентацию и вряд ли применимо к рабоче-крестьянскому большинству населения, однако совершенно не противоречит способам проведения свободного времени представителями освоившейся в новых условиях интеллигенции.

Большой классовой универсальностью обладает описание бытовых практик. В области снабжения и жилищно-коммунальной сфере герои «Циников» испытывают те же проблемы, что и большинство населения – неисправность водопровода и отопления, отторжение «лишней» собственности, не отличающиеся широтой ассортимента и качеством предлагаемых блюд коммунальные столовые, нехватка продовольствия и обращение к услугам «вольного» рынка. Однако и здесь герои имели

некоторые преимущества – наличие нужных связей в лице большевика-Сергея позволяют героям избежать уплотнения, сохранить ценные вещи, которые остаются источником получения денежных средств на протяжении всего романа, и получить достойное рабочее место, что спасло их от попадания в категорию «лишенцев». Роль личных связей в решении подобных вопросов была характерной особенностью первых лет советской власти, что неоднократно подчеркивалось в воспоминаниях современников.

При общем соответствии описанных в романе повседневных практик, роман содержит неточности в датировке событий. Так, описание некоторых нововведений приводится с годовым запозданием – декреты «О предоставлении собственникам немунципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества» и «Об управлении домами (положение)», принятые в августе 1921 г., упоминаются в романе применительно к 1922 г. Также отмечены неточности в описании досуговых практик: автор занимает своих героем посещением лотереи в 1922 г., в то время как этот вид развлечений стал доступен советским гражданам в 1923 г. Однако эти погрешности вряд ли являются преднамеренным искажением исторической действительности и могут быть объяснены несовершенством человеческой памяти.

В своей автобиографии А. Б. Мариенгоф источником материала для своих литературных трудов называет сплетню²⁹⁸, что говорит о смещении фокуса во внимании автора с самих фактов в сторону их бытования в восприятии населения. Написанный в стиле дневниковых заметок, роман представляет события в свершившемся виде, не давая читателю возможность проследить процесс их свершения, что не позволяет говорить о нем, как об источнике, в полной мере отражающем повседневную жизнь представителей так называемых буржуазных классов в новом обществе. Однако сходство в описании героев и их быта со свидетельствами современников и образами, спускаемыми прессой, обращение к деталям, иллюстрирующим бытование

²⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 2853. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

тех или иных фактов в восприятии населения, позволяют назвать роман бесспорным психологическим свидетельством эпохи.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Фонд 2853 - Блох Яков Ноевич (1892-1968) - журналист, издатель

2. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб)

Фонд 648 – Семейный фонд: Мариенгоф Анатолий Борисович – поэт, 1897 - 1962; Никритина Анна Борисовна – актриса, 1900 - 1982. Ленинград.

Сборники документов

1. Власть и культурная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД Материк, 2002. 868 с.
2. Декреты Советской власти. Т.1. : 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. / Подг. к печати д-р ист. наук проф. С. Н. Валк. М., 1957. 626 с.
3. Жилищное право. Комментарная сводка узаконений. М., 1923.
4. Законы о торговле: сб. декретов и др. постановлений о внутр. и внеш. торговле. Т.1. М., 1922. 160 с.
5. Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве. URL: <http://istmat.info/node/31624> (дата обращения: 17 февр. 2017 г.).
6. Кодекс законов о браке, семье и опеке. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm (дата обращения: 19 февр. 2017 г.). 664 с.
7. Основы жилищного законодательства (1917-1927) / Сост. В. Н. Гурский. М.: Правовая защита, 1927. 455 с.
8. Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1998. (Документы советской истории).
9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг). Т.1.: 1922-1923 г. / Отв. ред. Ю. Л. Дьяков; сост. Н. М. Перемышленникова и др. М., 2001. 489 с.
- 10.Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. 818 с.

12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. 1198 с.

Статистические сборники

1. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. За пять лет работы ЦСУ. М., 1924. 481 с.
2. Состояние питания городского населения СССР. 1919-1924 гг. М., 1926. 274 с.

Труды государственных деятелей

1. Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111-124
2. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. 61 с.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М. : Изд-во полит. литературы, 1968. 576 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М. : Изд-во полит. литературы. 1969. 585 с.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М. : Изд-во полит. литературы. 1969. 742 с.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М. : Изд-во полит. литературы. 1970. 624 с.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 51. М. : Изд-во полит. литературы. 1970. 574 с.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. М. : Изд-во полит. литературы. 1975. 864 с.

Периодическая печать

1. Беднота: Изд. ЦК ВКП(б). 1923 (октябрь).

2. Безбожник: Орган Центр. совета Союза воинствующих безбожников СССР. 1922 (декабрь).
3. Бюллетень ЦСУ. 1920. № 19—20.
4. Известия ВЦИК: Орган ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 1918 (август-октябрь), 1922 (июнь), 1923 (март).
5. Красная Газета: Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских Депутатов. 1922 (январь-февраль).
6. Красный смех: Еженед. сатирический и юмористический журнал. Астрахань, 1922. № 1, № 2.
7. Крокодил: журнал сатиры и юмора. М., 1922. № 7, № 10.
8. Огонек: Еженед. илл. журнал. М., 1923. № 15. ; 1924. № 12, № 15.
9. Мухомор: Ежемес. сатир. журнал. Пг., 1922. № 1.
10. Правда: Орган ЦК ВКП(б). 1918-1922.
11. Строительство Москвы: Ежемес. илл. журнал. М., 1924. № 4.

Источники личного происхождения

1. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 765 с. (Мемуары русского зарубежья).
2. Беляев С. Заметки советского врача. Л. : Прибой, 1926. 131 с.
3. Брик Л. Ю. Пристрастные рассказы: воспоминания, дневники, письма. Нижний Новгород: Деком, 2011. 368 с.
4. Булгаков М.А., Дневник. Письма, 1914-1940. – М. : Современный писатель, 1997. 638 с.

5. Габриелович Е. Нет Сухаревки! Из книги «Москва 1935». URL: <http://mosinfor.ru/moscow35/gabrilovich.htm> (дата обращения: 9 марта 2017 г.);
6. Гехт С. У. У стены Страстного монастыря в летний день 1924 года // Воспоминания о Бабеле. М. : Книжная палата, 1989. С. 51-62.
7. Гиппиус З.Н. Петербургский дневник. М.: Советский писатель, 1991. 125 с.
8. Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича. М. : Дворянское собрание, 1997. 399 с.
9. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М. : Орбита, 1990. 731 с.
10. Громов Н. Перед рассветом. Путевые очерки современной Советской России. Берлин : Медный всадник, 1927. 172 с.
11. Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. М. : Политиздат, 1992. 398 с.
12. Ивнев Р. Дневник. 1906-1980. М. : Эллис Лак, 2012. 877 с.
13. Ивнев Р. Жар прожитых лет: воспоминания, дневники, письма. СПб. : Искусство-СПб, 2007. 572 с.
14. Керенская О. Л. Мертвые молчат. Победителей не судят. // Звезда. 1998. №2. С. 102-121.
15. Князев В. Покатилось красное колесо... Из записной книжки русского интеллигента. URL: <http://izidis.narod.ru/kols.htm> (дата обращения: 13 февраля 2017 г.)
16. Мандельштам Н. Я. Вторая книга: воспоминания. М.: АСТ, 2001. 507 с.
17. Мариенгоф А. Б. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги // Собрание сочинений в 3 т. Т.2.: Кн. 2.: Мемуары, Комментарии. М.: Книжный клуб Книговек, 2013. С. 127-430

18. Мариенгоф А. Б. Роман без вранья // Собрание сочинений в 3 т. Т.2.: Кн. 1: Проза; Мемуары, Комментарии / Вступ. ст. Т. Хуттунена. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 501-632.
19. Мариенгоф А. Б. Это вам, потомки! // Собрание сочинений в 3 т. Т.2.: Кн. 2.: Мемуары, Комментарии. М.: Книжный клуб Книговек, 2013. С. 17-126.
20. Мендельсон Н. М. Дневник московского интеллигента // Московский архив: историко-краеведческий альманах. 2006. Вып. 4. С. 393-416.
21. Маркус Б. С. Московские картинки: 1920-1930 гг.: (воспоминания). URL: http://royallib.com/read/markus_boris/moskovskie_kartinki_1920_h___1930_h_gg.html#0 (дата обращения: 11 марта 2017 г.)
22. Окунев Н. П. Дневник москвича (1917-1924). Paris : YMCA-press, 1990. 600 с.
23. Петров Н. И. Маршруты моей жизни: воспоминания. СПб. : Веды, 2003. 169 с.
24. Ривош Я. Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России нач. XX в. М. : Искусство, 1990. 303 с.
25. Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М. : Гея, 1996. 507 с.
26. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991. 350 с.
27. «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Подготовка текста М. М. Павловой. Вступ. статья и примечания М. М. Павловой и Д. И. Забарева // Звенья: Ист. альм. Вып. 2. М. ; СПб, 1992. С. 17-173.
28. Чуковский К. Н. Дневник. 1900-1929. М.: Советский писатель, 1990. 543 с.

29. Шершневич В. Г. Великолепный очевидец . Поэтические воспоминания 1910-1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги : Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 523 – 597.

Использованная литература

Научно-исследовательская литература

1. Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М. : Политиздат, 1987. 270 с.
2. Алексеева А. П. Постреволюционный конфликт российской инакомыслящей интеллигенции с властью : автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2010. 29 с.
3. Андреевский Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы. М. : Молодая гвардия, 2003. 573 с.
4. Базанов М. А. Взгляд историка: Главный герой романа А. Б. Мариенгофа «Циники» как представитель профессионального сообщества своего времени // Челябинский гуманитарий. 2014. № 4. С. 77-85.
5. Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь советской повседневной жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 775 с.
6. Богданов И. А. На углу всех улиц. СПб. : Остров, 2005. 131 с.
7. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: монография / Под ред. Р. А. Хизиева. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 224 с.
8. Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М. : Соцэкгиз, 1937. 244 с.
9. Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917 – 1920 гг. М. : Наука, 1982. 343 с.

10. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917-1920 гг. М. : Ин-т рос. истории, 1998. 258 с.
11. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М. : ИРИ, 2001. 225 с.
12. Гордон Л. А. Человек после работы : Социальные проблемы быта и вне рабочего времени : По материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах европ. части СССР. М. : Наука, 1972. 268 с.
13. Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона): сб. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 119-163.
14. Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М. : Знание, 1977. 159 с.
15. Горинов М. М. Москва в 20-х годах // Отечественная история. 1996. № 5. С. 3-17.
16. Григоров Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М. ; Л.: Молодая гвардия, 1927. 181 с.
17. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917 – 1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002.
18. Дианова Е. В. «Нас венчали не в церкви»: о бракосочетании и регистрации браков в советский период // Российская семья: историко-психологический портрет: Материалы XXIV Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 15-16 декабря 2008 г.: В 2 ч. / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака, СПб. : Нестор, 2008. Ч. 2. С. 52.
19. Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917-1937. М., 2008.

20. Исаев В. И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920-1930-е гг. - Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. 187 с.
21. Ирвинг А. Возрастной и национальный состав проституток // Рабочий суд. 1925. №5. С. 210.
22. Ирошников М. П. Рожденное октябрем: Очерки становления Советского государства. Л.: Наука, 1987. 255 с.
23. История социалистической экономики СССР : В 7 т. / Отв. ред. И. А. Гладков. Т. 1 : Советская экономика в 1917-1920 гг. М., 1976. 448 с.
24. Кабо Е. О. Питание русского рабочего до и после войны. М. : Вопросы труда, 1926. 182 с.
25. Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. 69 с.
26. Казанин И. Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. 264 с.
27. Кобозева А. В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия: дисс ...к. филос.н. М., 2006. 241 с.
28. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Наука, 1991. 486.
29. Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926 гг. М. ; Л., 1927. 240 с.
30. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. 359 с.

31. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М. : Молодая гвардия, 2007. 518 с. (Живая история: повседневная жизнь человечества).
32. Курцев Л. Н. Повседневная жизнь провинциального города в годы Гражданской войны (по материалам Ярославской и Костромской губернии): автореф. ... к. и. н. Ярославль, 2006. 23 с.
33. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 482 с. (Культура повседневности).
34. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева», 1999. 316 с.
35. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
36. Левенштейн Л. А. Домоведение: руководство для женских учебных заведений и самообучений. В 3 ч. Ч. 1. М. : Польза, 1907. 248 с.
37. Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2002. 208 с.
38. Маркосян Г. М. Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней: автореф. дисс... к. и. н. М., 2010. 26 с.
39. Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917-1937. М., 2008. 300 с.
40. Меликсетян А. С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования, 1989. № 3. С. 71-74.
41. Никулин В. В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания института брака к консервативной семье // Вестник

- Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7-8. Т. 21. С.104-109.
- 42.Обертрейс Ю. «Бывшее» и «излишнее» - изменения социальных норм в жилищной сфере в 1920-1930-е гг. (На материалах Ленинграда) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева», 2000. С. 75-98.
- 43.Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). М.: Изд. дом ВШМ, 2015. 335 с.
- 44.Орлов И. Б. Новая политика — новое веселие // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007. С. 229-292.
- 45.Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М: Изд. дом Гос. Ун-та ВШЭ, 2010. 316 с.
- 46.Орлов И. Б., Маркосян Г. М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М. : Принципиум, 2013. 200 с.
- 47.Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М. : Собрание, 2007. 159 с.
- 48.Панин С. Е. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. №1. С. 78-109.
- 49.Пешехонов А.В. Современная Россия в цифрах. Прага, 1925. 48 с.
- 50.Преображенский Н. Ф. Жилищный вопрос при диктатуре пролетариата. М.; Л. : Московский рабочий, 1928. 61 с.
- 51.Прокопович С. Н. Очерки хозяйства советской России. Берлин: Обелиск, 1923. 216 с.

52. Пятнов П. В. Этот знаменитый Елисейский на Тверской // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 2. С.111-118.
53. Рубинов А. История трех московских магазинов. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 328 с. (Культура повседневности).
54. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Москва НЭПовская. Очерки городского быта. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 592 с.
55. Семенов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.). Армавир: Армавирское полиграфическое предприятие, 2005. 170 с.
56. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917-1936 гг.): дисс. ... д.и.н. М., 2010. 300 с.
57. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
58. Соболев Г. Л. Русская революция 1917 г. и ученые // Интеллигенция на историческом переломе : Первая треть XX в. : Тез. докл. и сообщ. науч. конф., С.-Петербург, 19-20 марта 1996 г.. СПб., 1996. С. 89-91.
59. Социализация женщин: сб. Пг. : Искра, 1918. 32 с.
60. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего. М.; Пг. : Вопросы труда, 1923. 38 с.
61. Струмилин С. Г. Рабочий быт в цифрах. Статистико-экономические этюды. М.; Л., 1926. 134 с.
62. Такала И. Р. «Веселье Руси»: из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930-е годы) // Нормы и ценности повседневной жизни 1920-1930-е гг. : становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 244-298.

- 63.Тархов С. А. История московского трамвая. М., 1999. 356 с.
- 64.Тернова Т. А. Социология НЭПа в романе А.Б. Мариенгофа «Циники» // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. ст. уч. междунар. науч. конф. (Саратов, 23 – 25 сент. 2010 г.). Саратов, 2010. С. 140-147.
- 65.Твердюкова Е. Д. «Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда-Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие. 1918–1928 гг. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 33-46.
- 66.Твердюкова Е. Д. «Мерси» за махорку: табак и табакокурение как элемент российской повседневности в период социальных катаклизмов // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (к 100-летию с начала Первой мировой войны): мат. междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. СПб., 2014. С. 539-544.
- 67.Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция. М.: Знание, 1968. 48 с.
- 68.Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М. : Мысль, 1965. 255 с.
- 69.Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. 325 с.
- 70.Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 272 с.
- 71.Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. 280 с.
- 72.Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
73. Шагинян М. Что есть нэпман? // Новая Россия. 1923. № 6. С. 17.

74. Шерман С. Внутренний рынок и торговый сбыт (Из сборника «Экономический вестник». Берлин, 1923) // Нэп. Взгляд со стороны: сб. / Сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991. С.133-173.
75. Юденкова Е. В. НЭП в романах А. Б. Мариенгофа «Циники» и И. Эренбурга «Рвач» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 46. С. 93-100.
76. Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 223 с.
77. Alan M. Ball. Russia's Last Capitalists: The Nepmen. 1921-1929. Berkely: Univ. of California press, 1990. 226 p.
78. Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. N 4. P. 745-770.

Художественная литература

1. Ивнев Р. Богема: роман. М. : Вагриус, 2006. 507 с.
2. Катаев В. П. Алмазный мой венец: сб. произв. М. : ПРОЗАИК , 2014. 571 с.
3. Мариенгоф А. Б. Циники. Бритый человек: романы. СПб. : Азбука, 2014. 288 с.

Справочные издания

1. Вся Москва: адрес. и справ. кн. на 1923 год. М., 1923. 808 с.
2. Вся Москва: адрес. и справ. кн. на 1924 год. М., 1924. 813 с.